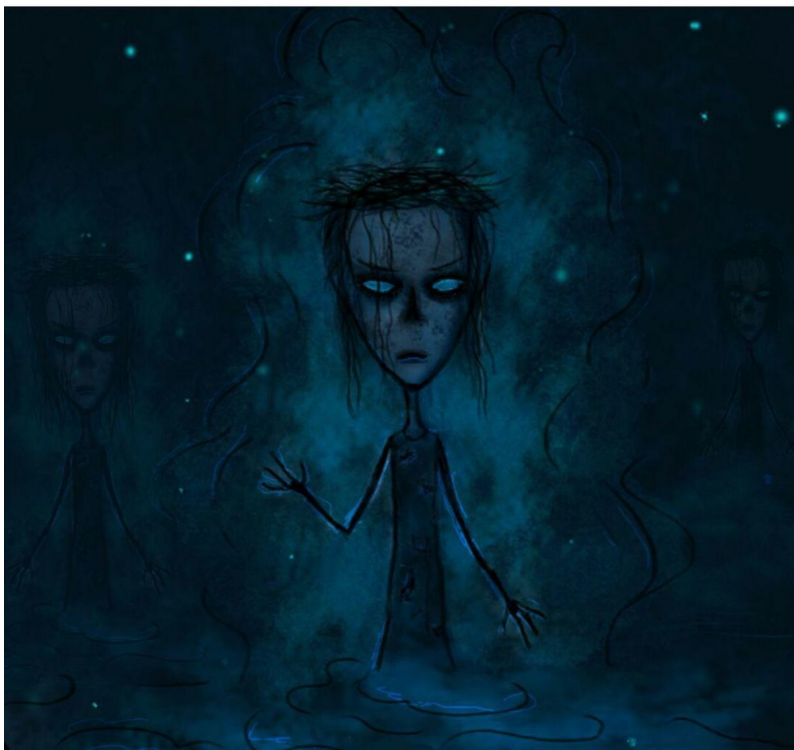

ПАВЕЛ ПРОДАНОВ

Лъеккьо

Павел Проданов

Льеккьо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25558399

ISBN 9785448562716

Аннотация

«Льеккьо» – психологическая драма о человеке, чьи призраки прошлого так и не дали ему возможности влиться в социальный мир. Пятилетняя амнезия и появление странной незнакомки дают шанс Мартину Эбботу разобраться в себе, в причинах своих детских травм. Ему предстоит встретиться со своим худшим кошмаром, что его разум отказывался вспоминать. Болото никогда не отпускает свои жертвы, так справится ли Мартин?

Содержание

Часть первая. Записки Мартина Эббота	5
1	5
2	13
3	21
4	30
5	36
6	48
7	56
8	64
9	73
10	82
11	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Льеккьо

Павел Проданов

*Посвящаю эту глупость настрадавшейся Софье
Резник, живи и слезы лей от счастья!*

© Павел Проданов, 2019

ISBN 978-5-4485-6271-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Записки Мартина Эббота

Не следует мешать людям сходить с ума.
А.П. Чехов. Палата №6.

1

– Когда мне говорят о жизни, я представляю автобус, набитый представителями этой самой жизни. Я еду на одном из последних сидений, место у окна. Читаю «99 франков» Бегбедера. В этот самый момент Октав слушает исповедь спидофила, что испытывал высшее наслаждение от вида ревущих девушек, только что узнавших, что они больны СПИДом. Я отпускаю собственное умозаключение по этому поводу, что-то типа: «Так вам и надо, шалавам». А может, и не отпускаю. Может, я коротко стрижен, а может, и нет, может мне двадцать пять, а может и тридцать семь, может я такой же рекламщик, как Октав, а может и рекламщик, но не такой же. Я могу быть, кем угодно: курьер, перевозящий книги, что сейчас лежат на соседнем сиденье, а может их там и нет, и я вовсе не курьер, а просто еду с тусовки, может у меня двое детей – Энн и Мари: две замечательные

девочки, все такие в веснушках и с кудряшками, а может я еще в прошлом году узнал, что я бесплоден, и у меня детей не будет никогда, я – продавец часов, секьюрити в клубе, чемпион города по плаванию, художник-экспрессионист, дрессировщик собак, начинающий рок-музыкант, да просто представитель жизни. Может быть, у меня даже амнезия. Известно только одно: я – мужчина. На заднем сиденье, на том, что обычно упирается в заднюю стенку автобуса, сидят две девушки. Одна, та, что с обильно подведенными красной помадой губами, любит цветы, стянутыми праздничной лентой в букет, другая – не отрывает взгляд от экрана телефона. Одна под эйфорией от свидания, другая в ее предвкушении. Одной пишут в «оффлайн», о том, как с ней не хотели расставаться, другой в «онлайн», о том, как поскорее ее хотят увидеть. Обе счастливы, в данный момент, но одна уже возвращается в пассивное состояние, другая же, выбирается из него вверх по касательной, чтобы воспарить, а затем угаснуть. Ту, что с букетом цветов, отлично дополняет косметика, другой же к лицу естественная красота. Они – черное и белое, блондинка и брюнетка, две крайности женской красоты.

На сиденье перед ними, справа от меня (а я сижу в левом ряду), задумчиво смотрит в окно пожилая женщина. Сейчас она просто старая и дряхлая: чья-то мать или дочь, бабушка, внучка (была же когда-то). Ее испещренное морщинами лицо лежит в области тяжелых раздумий, об их природе мы мо-

жем лишь гадать. Она потеряла в 80-е первого ребенка, врачи диагностировали СВДС, то есть, ничего не диагностировали, и она винит до сих пор себя, а может она, просто вспоминает первый роман в Ницце. Она летала в этот французский городок в молодости на месяц к знакомым своей семьи, а может она никогда не покидала родного города. Как бы там ни было, сейчас недра памяти этой женщины составляют целую вселенную из воспоминаний.

Прямо передо мной, скрытый высокой спинкой кресла, сидит парень. Я вижу его лишь в отражении стекла. Через это отражение виден мир за окном, как если б я смотрел сквозь призрак. Тут все ясно – этот парень фотограф, о чем недвусмысленно говорит дорогой фотоаппарат на его шее с объективом типа «Кит». Но все может быть не так очевидно, как кажется на первый взгляд. Он мог просто на подсознательном уровне купить эту вещь, только потому, что это ему внушили последователи Октава. Так и вижу слоган: «Запечатлей свое никчемное существование, с нашей бесполезной камерой». Он мог его взять попользоваться у друга или подруги, что бы запечатлеть в «цифре» любимую псину породы «хаски», или сделать «селфи» со своей девушкой.

Дальше по салону: целующаяся парочка, тридцатипятилетний мужчина с велосипедом в проеме для стоячих (может он велогонщик, а может просто любитель), женщина у входной двери, приготовившаяся раскрыть зонт при выходе (за стеклами автобуса идет проливной дождь), а на перед-

них сиденьях видны лишь головы: русые, каштановые, светлые, темные, седые и снова светлые. На одном из передних сидений расположился священник (тут без догадок и предположений).

Перенесемся на миг из автобуса в движущийся навстречу легкой автомобиль. Это может быть черный «БМВ», белый «Крайслер», красный «Фольксваген» и далее по списку цветов и марок. За рулем парень, на кресле пассажира девушка. Вчера он сделал ей предложение, естественно она сказала «да», естественно она в облаках от счастья. Она не может усидеть на месте от распирающего изобилия лучей добра и нежности. Сейчас ее можно сравнить лишь с хорошо встрясенной бутылкой колы. И всю эту нежность она хочет направить на любимого. Она тянется к нему, начинает целовать. Сначала в щеку, затем в губы. Она перекрывает ему обзор дороги. Парень на миг поддается поцелую, но тут резко отдергивает голову, и устремляет взгляд на дорогу. Его веки расширяются, все больше оголяя глазные яблоки. Парень понимает, что полкорпуса машины находится на встречной полосе. Он в ужасе, но успевает дернуть руль в сторону, уходя от столкновения с нашим автобусом. Звучит долгое: «Фууууууууух!» Нога так и осталась вжатой в пол на педали тормоза. Свист стирающихся тормозных колодок надолго освоился в ушах возлюбленной, что влетела лбом в переднюю панель.

В зеркале заднего вида можно было разглядеть (если в тот

момент в него смотреть), как наш автобус, уходя от столкновения с «БМВ», «Фольксвагеном», «Крайслером», «Альфа Ромео», сначала повернул в одну, а после (сразу же) в противоположную сторону, и его перевернуло.

Перенесемся в автобус.

Творение Бегбедера, покинув мои руки, устремилось в стекло. Капли крови (при первом рывке автобуса вправо, я разбил голову о стекло), сейчас зависли между мной и стеклом, в которое, повторяя мою участь, влетит книга. Лицо же мое представляет собой слепок из гипса, напоминая маску трагедии из античности. Скорее всего, через мгновение меня кинет в потолок, который встретится с асфальтом, и моя шея сломается, как вафельный рожок, а я должен завтра: вести сына Патрика в Диснейленд или лететь в Лондон, встречать жену Мэри из отдыха в Марокко или не встречать, а наоборот. Я думал, что умру в глубокой старости, как минимум представлял, думал, что смерть – это только в кино, коробило от мысли, что такое может произойти со мной. Это казалось не реальным, сознание отказывалось такое признавать. Я думал, что буду жить вечно.

Думала, что будет жить вечно и девушка с букетом цветов. Сейчас она, с застывшим ужасом на лице, зависла между сиденьем и задней дверью автобуса. Возможно, ей даже удастся выжить, а может, и нет. Может, она сходит на второе свидание, а может, съездит в инвалидном кресле, а может, и не сходит, и не съездит. Может, у них рядятся двое очаро-

вательных близнецов, как мои Энн и Мари, с такими же курчавыми волосами, веснушками, такие же веселые и неугомонные, а может, и не такие.

Мобильный телефон влетел в стекло, за моей спиной. Батарея катапультировалась, как это бывает у летчиков, потерпевших аварию, вслед за отскочившей крышкой. В полете до окна, телефон продолжал принимать сообщения, оставлявшие надежду на большое будущее между: Катрин и Анри, Джессикой и Майклом, Софи и Марком? Катрин, Джессика или Софи – владелица телефона, получила сильнейшее сотрясение мозга, когда ее соседка по местам в автобусе с шикарным букетом белых роз, что резко контрастировали с ее красной помадой, ударила ее затылком в височную долю, когда автобус вильнул в первый раз (в тот самый момент я разбил голову о стекло). Велосипедист, врезавшись в потолок, что встретится с асфальтом, будет накрыт собственным велосипедом. Фотоаппарат парня, зависшего, словно космонавт на орбите, меж кресел, грозясь проломить потолок при возвращении гравитации, пролетел пол салона, и грозил угодить в одну из (русая, каштановая, светлая, темные, седая и снова светлая) голов на передних сиденьях. Владельцы тех голов также зависли в вакууме.

Салон автобуса напоминает фрагмент Помпеи, погребенного под толщей пепла, где лица людей застыли в непередаваемом ужасе. Все они думали, что будут жить вечно. Все мы думаем, что будем жить вечно. И, наверное, один толь-

ко священник примет это как должное (иначе, какой он священник?) Но выпученные от страха глаза святоши говорят обратное. Одно дело ждать встречи с богом в далеком будущем, другое – в ближайшие секунды.

Когда я окажусь в этом горе-автобусе, зависший между жизнью и смертью, именно в тот момент, я пойму, что все эти атрибуты современной жизни: мебель от «Кателлан Италия», загородные домики в стиле «Шале», шмотки от «Кляйна» и «Прада» и прочие модные штуки, всего лишь шоры на глаза. Я погибну, читая исповедь рекламщика-наркомана, о чем это мать его говорит?

Чарли прервал свой монолог, чтобы опрокинуть рюмку виски.

– Люди странные, – заметил я. – Думают, что будут жить вечно, а живут так, будто завтра умрут.

– Поясни? – отозвался Чарли, утерев рот рукавом рубахи. Я так же взял рюмку.

– Все мечты они откладывают на потом, думая, что впереди вечность, но при этом торопятся жить, – сказал я и опустошил стакан, ощущая, как виски проваливается по пищеводу в желудок, обжигая плоть изнутри.

Чарли усмехнулся.

– Мы – белки в колесе индустриализации, – он налил еще, – бежим по дороге, не имеющей конца.

– Пока, кто-то не поцелует своего парня, ведущего автомобиль, – подметил я, и снова выпил.

Чарли не разделил моей ухмылки. Он достал помятый клочок бумаги из кармана клетчатой рубахи, и взглянул на него. Затем, бросил черно-белую фотографию на стол. С потертой бумаги на меня смотрели две улыбающиеся, с курчавыми светлыми волосами, в веснушках девочки-близняшки.

2

– Ты, пришибленный, Марти, – говорит Каролин, натягивая розовую кофточку с короткими рукавами, – я не устану это повторять. Все твои попытки научить людей жить, оттого, что сам этого не умеешь. Понимаешь? – Ее голос звонко отражался от зеркального потолка их с Жаком спальни. – Не будь ты моим братом, летел бы уже с лестницы к чертям.

– О, – тяну я, – так мне повезло!

Я нахожусь в обители наслаждений Каролин Монсар, а так же кучи других людей, тех, кого захочет усладить моя сестра. Эта тридцатипятилетняя сука носит фамилию мужа, но выносить его ребенка... «Мое тело слишком хорошо, чтобы его растянуло, раздуло и разнесло, в конце концов», – говорит она на этот счет. Так что в ее рационе непременно можно найти горсти «противозачаточных». Карл Дьерасси в голове этой особы аплодирует стоя. Каролин считает, что дело Жака зарабатывать деньги, а ее дело их тратить. Она с легкостью овладевает воображением других мужчин, и они уже хотят всю жизнь зарабатывать для нее деньги, но так считает она. Каролин готова тратить кучу денег на украшения, модную одежду, и прочие атрибуты, подчеркивающие красоту, тогда как Жак старается вкладывать в образование и воспитание его дочери. Да, у Жака дочь, а у Каролин ее нет.

– Я договорилась с владельцем местного бара, – уведо-

ляет Каролин, закалывая прядь густых волнистых волос, – тебя возьмут в качестве бармена. Первое время поработай там, пока сам не определишься.

Я сверлю взглядом спину сестры-стервы. Сестра-стерва любит себя любимую в зеркало, обильно орошая волосы лаком. Мне хватит и постоянного общения с тонушками в алкоголе, так что вряд ли я сменю работу в ближайшее время.

– Там, в гараже, у Жака стоит мотоцикл, посмотришь. Помню, в детстве, тебе нравились, – продолжила она.

– Да, припоминаю, – согласился я. Интересно, что еще она помнит обо мне из детства? Мы виделись незадолго до смерти отчима, а мне тогда было двенадцать. – Ты ходила к врачу, – заметил я, – что он сказал?

– Скорее всего, у тебя генерализованная, или как-то так, амнезия, – ответила Каролин своему отражению в зеркале.

И в детстве мне случалось забывать какие-то события, но то всего лишь минуты, максимум часы. Сейчас в моей голове отсутствуют, или же заблокированы сознанием последние пять лет.

– Доктор надеется, что память к тебе вернется, хотя бы частично, – добавила она, взяв с кровати глянцевую сумочку фиалкового цвета.

Дверь, ключ, шаги по лестнице, поток свежего воздуха в лицо – мы перемещаемся из квартиры в Бьюик Ривера 66-го года Госпожи Монсар бордового цвета – единственное,

что досталось ей от первого брака. Солнце, как и миллионы лет назад, жжет это место беспощадно, стараясь выжечь все, пока не наступила осень. Редкие облака плывут до странности низко. Но неподалеку начинаются болота, и осадки здесь очень частое явление. Такой вот парадокс.

– Каролин, ты знаешь от чего так низко облака? – вдруг спрашиваю я, захлопывая за собой дверцу автомобиля.

Каролин высунула голову в открытое окно и посмотрела на небо, будто пытаюсь найти там ответ.

– На кой черт мне это знать?

Она всунула голову в машину и, вопрошающе, посмотрела на меня.

– Всему виной высокая влажность, – проговариваю я, будто что-то жую. Отчего-то моя челюсть не попадает зубом на зуб, но от чего именно я не помню. Видимо это один из подарков тех пяти лет – черной дыры в моем сознании.

Каролин сунула ключ зажигания в надобное место.

– Загородный дом стоит у болот, – напомнила она. – Там с сыростью бороться бесполезно. Жак три раза пол менял за последние пять лет в этом проклятом домишке.

«Пять лет» – для меня эти два слова вместе стали магическими.

– От влаги что угодно рыхлеет и разрушается, – поддерживаю я.

– Здесь всегда повышенная влажность, – заканчивает Каролин и запускает мотор поворотом ключа.

Я смотрю в окно на цветущие клумбы у дома. Они то, как раз наоборот – живут, не разрушаются. Мой взгляд плывет дальше по улице. Он останавливается на девушке, волосы ее черны как ночь, залитые солнечным цветом, они кажутся металлическими. Дама снимает солнцезащитные очки причудливой формы и смотрит на меня. Из ее губ надувается жвачный пузырь, а затем лопается. Потом девушка теряет ко мне интерес, садится на велосипед и уезжает.

– Влажность... То-то люди здесь гнилые, – говорю я больше себе, нежели своей сестре.

Каролин сдает назад. Наехав на бордюр, она остановилась, дернула рычаг коробки передач, похожий на трость для стариков, и вывернула на дорогу.

На автостраде, где-то среди густого леса, меня начало клонить в сон.

Мне приснился парк и дети. Я отчетливо видел светловолосую девчушку лет четырех. Она смеялась, а я качал ее на качели. Я толкал качели сильнее, девочка взмывала вверх и устремлялась вниз, разрываясь звонким смехом. Ветер тербил ее волнистые пряди. Моя душа радовалась, как никогда. Вдруг я почувствовал чью-то руку на плече. Обернувшись, я увидел женщину, но черты ее лица не складывались в четкий образ. В моей душе вспыхнул гнев.

– Вот, ты тоже считаешь меня сукой? – услышал я сквозь сон голос своей сестры.

Открыв глаза, обнаружил, что уже опустились сумерки.

Мир вокруг «бьюика» приобрел единый темно-серый цвет.

– Да все мужчины считают женщин суками, – отвечаю я, зевая во весь рот. – В той, или иной степени. Шопенгауэр писал о женщинах, как о нижестоящем поле, и считаться можно лишь с его слабостью. А такие вещи, как почтение или благоговение перед женщиной, поведение недостойное мужчины, что это – роняет нас в ваших глазах.

– Тебя так шпарить в церковной школе научили?

– Такому в церкви не научат, – ответил я. – Но как ни странно, библия вторит ему. Женщина создана не как равная, а в подчинение мужчине.

– Тогда Бог тоже тот еще женоненавистник, – повышенным голосом констатировала Каролин.

– Все женщины стремятся быть равными мужчинам.

– О, я иногда так хочу подчиняться, – замечтавшись, проговорила моя сестра. Я пропустил мимо ушей.

– Но глядя на феминисток, борющихся за равные права, выставляя напоказ сиськи, – продолжил мысль я, – склонен согласиться со всеми остальными мужиками: вы – те еще суки. За два месяца, что жил у вас, скольких мужиков я видел? Твоя любвеобильность – дамоклов меч, зависший над вашими с Жаком отношениями, тебе не кажется? И рано или поздно он опустится. Это вопрос времени.

– Но ты же не трепло?

Каролин уставилась на меня испытующим взглядом.

– Мне плевать, – ответил я. – Меня больше интересует,

что со мной творилось последние пять лет.

Удовлетворенная ответом, она начала нарочито следить за дорогой, показывая, что разговор окончен. Я тоже уставился в окно, в темноту, где в сумеречном тумане призраком прятался болотный мир. Деревья виднелись лишь черной тенью на сером фоне. Когда из-за облаков показывалась луна, то туман, повисший среди деревьев, вбирал в себя призрачный лунный свет, и все вокруг приобретало вуаль таинственности, окутавшую трясину. Болото – место, где человеческое воображение может видеть загадочное, таинственное, а разум допускать возможность его существования.

Вдруг, сквозь завесу тумана, я увидел огоньки. Бледно-синими светлячками они плавали над травами-призраками. Они притягивали взгляд, и сумерки вокруг этих светлячков расступались, отдавая пространство для бледного свечения.

Я взглянул на Каролин. Та вела машину, и смотрела на дорогу.

– Смотри, – сказал я, – там голубые огоньки, на болоте!

Когда я вновь посмотрел туда, где еще секунду назад происходило нечто таинственное, то с удивлением осознал – огоньков нет.

– Нет там ничего, кроме тумана, – ответила сестра скептическим голосом. – Ты переутомился. Помню, наша бабушка, потерявшая вторую дочь, рассказывала об этих огоньках. Она говорила, что это души умерших детей. Мать же, называла ее ополоумевшей, пока Лиза не умерла. А потом, сама

стала ходить на болото, встретиться с духом Лизы, каждый день ходила, пока в психушку не загремела. А мы с тобой, когда играли на болоте, ничего сверхъестественного не видели, помнишь?

Она не видела, а вот я...

– Кстати, как там она? – спросил я, уходя от ответа. Мне не хотелось вспоминать прошлое. – Ты давно ее навещала?

– Ей уже шестьдесят, и она почти ничего не помнит, даже меня с трудом узнает, – ответила Каролин. – Если хочешь, съездим к ней в следующем месяце.

Я снова посмотрел на болото. При виде таинственного тумана, играющего в лунном свете, становится не трудным поверить в то, что наша умершая сестра резвится где-то там, среди болотных трав с другими детьми, утонувшими на болоте.

– Надо бы заглянуть. Я ведь ее навещал всего раз, после ухода из церковной школы.

– Ты будешь удивлен.

– Да последние два месяца я только и делаю, что удивляюсь. Представь конфуз в моем сознании, когда я узнаю, что уже 2015 год? А я только собирался лететь в Южную Африку на чемпионат мира по футболу.

– Все еще страстный поклонник?

– Да, – выдохнул я. – Помнишь, тебя взяли в балетную школу?

Каролин улыбнулась.

– Помню те времена, когда мне не приходилось умирать на липосакции, бесконечно точить ногти и подкрашивать волосы.

– А мне – зубрить богословскую литературу, – усмехнулся я.

– Ага, – согласилась Каролин. – И нудить – о том, что все живут не правильно.

Она снова улыбнулась и подмигнула мне. Это заставило меня вернуться в детство, вспомнить то время, когда она была моей старшей сестричкой, единственной, кто тянулся ко мне. «Все будет хорошо, братик», – говорила она и подмигивала.

3

На место мы прибыли глубокой ночью, и сразу же легли спать. Утром я вышел, чтобы забрать оставшиеся продукты из «бьюика», скоропортящиеся заполнили холодильник еще ночью. Взяв пакеты, я обернулся: передо мной стояло детище современной культуры, помешанной на кубизме, и идеально ровных поверхностях. Плоские квадратные мобильники, телекраны, встроенные в квадратные стены, квадратные коробки со стеклянными стенками, называемые небоскребами, столы, стулья – все отдано в жертву квадратному миру. Дом в стиле «Хай-тек». Стены высокие, держащие на себе крышу-трамплин, витрина второго этажа от пола до потолка, тоже квадратная, круглые здесь только клумбы. Но те заросли, да так что их почти не видно, сорняком, показывая всем, откуда растут руки моей сестры. Гараж тоже квадратный, хорошо хоть забор состоит из железных прутьев, окрашенных в черный. Будь он из дерева, наверняка бы воплотили в идеях квадратного искусства. За домом росли дубы, а где-то за ними начинались болота, уходящие до холмов. Все детство я провел на болотах, по другую сторону от этого закисшего места. И вот, проведя всю жизнь монастырской школе и еще непонятно где, вновь вернулся на окраину этой топи.

Каролин уже проснулась. Заспанная, она заглянула

на кухню, где я готовил завтрак.

На сковороде жарились сосиски, место которым уступила глазунья, лежавшая уже на тарелке на столе. Я же нарезал помидоры. Английский завтрак – дань памяти рабочим, что вкалывали на господ столетиями, гнув спину с утра до ночи.

– Ты когда встал? – спросила Каролин, доставая апельсиновый сок из холодильника.

– Рано, – ответил я. Подъем, как это говорится, с петухами. Сон не мое излюбленное занятие.

– Кто рано встает, у того лицо не отекает? – улыбнулась Каролин, наливая сок в стакан. – А я люблю валяться до обеда.

Еще бы не любить, подумал я, когда работать тебе ненужно. Все ее занятия, это интерьер квартир ее подружек. Но, не часто, ей приходят предложения на кругленькую сумму. Вы когда-нибудь спали в шкафу? Не в детстве, когда забираешься в шкаф, играя в прятки, и так долго тебя не могут найти, что ты там засыпаешь, а будучи взрослым? Я спал сегодня. Спальня для двоих у Каролин Монсар спрятана в шкаф. Она это объясняет экономией места и чистотой постели от пыли, а так же находчивым дизайнерским ходом. Я же считаю – запертой комнатой. Мало того, что человек и так всю жизнь живет в своей голове, и только ночью, во время сна, его сознание покидает чертоги черепной коробки и бороздит неведомые пространства, его теперь и на ночь запирают в темном чулане, называемом находчивостью дизай-

нера. Вся квартира Каролин и Жака лежит в той же строгой плоскости стиля «Хай-тек». Именно плоскости: все идеально ровное, глянцевое.

– Я привык вставать рано еще в школе, – поясняю я. – Там не поваляешься.

– О да, – запивая ночной тлен во рту соком, подмечает Госпожа Хай-тек, – фанатики одним словом. А почему ты ушел?

– Долгая история, – говорю я, уходя от неудобного разговора. Распространяться о причинах моего ухода из Школы я не люблю, даже перед ней, единственным близким мне человеком, не считая сошедшей с ума матери. Но единственной ли? Последние пять лет даже не туманны, их вообще нет в моей голове. Заснул в кровати, проснулся на обочине дороги с недопитой бутылкой виски у шоссе, под одиноким деревом, а за это время пролетело лет пять как.

– И неуместная, – добавила Каролин, – как всегда. – Она поставила стакан с недопитым соком на стол. – Пойду, умоюсь.

Завтрак употреблен по назначению, посуда вымыта, душ принят. Каролин показала мне, что здесь к чему. Нечего не обычного – дом, как дом: зал с двумя диванами, четыре мягких кресла, огромный стеклянный стол меж диванами, стоящими друг против друга, плазменный телевизор, встроенный в стену, спальня в шкафу, просторная кухня, санузел с унитазом и душем. И это только первый этаж. На втором

этаже всего одна комната, посреди которой стоял бильярдный стол, вокруг которого еще четыре дивана. Пол устлан медвежьими шкурами, что резко контрастировало с общим стилем интерьера. Каролин объяснила, что Жак любит охотиться, а это его трофеи. «По правде сказать, медведей он не убивал, – говорила она, – а шкуры эти купил за неплохие деньги, но завет их своими трофеями».

К дому пристроены гараж и летний домик. В летний домик мы не заходили. По словам Каролин, там находилось джакузи. А вот в гараже находился «Крузер» 39-го года, с одноцилиндровым двухтактным двигателем мотоцикл. Вот на этой ретро технике мне и предстоит каждый день мотаться в бар на работу. Что ж, отлично! Хоть не на общественном транспорте, что ходит строго по расписанию.

– Он хоть и коллекционный, – добавила Каролин, но летает здорово. Я даже сама на нем дурачилась. К нему и шлем есть, и очки.

Она сняла шлем с руля.

– В этом я буду выглядеть летчиком эпохи второй мировой, – пошутил я.

– Летчик-бармен, – рассмеялась моя сестра. – Кстати, насчет бармена – нам пора выезжать. Нужно тебя еще в бар пристроить. Мистер Таргетт будет ждать нас в двенадцать часов.

Пятнадцать минут в «бьюике», окруженном миром болота, и мистер Таргетт встречает нас у входа в бар. Вывеска

гласит: «Бар у Челла».

– Добрый день миссис Монсар, – приветливо улыбаясь, мистер Таргетт протягивает морщинистую руку-клешню своей сестре.

– Добрый, – отвечает та улыбкой на улыбку. Мистер Таргетт целует ей руку. Какие сантименты.

– А вы, должно быть, Мартин?

– Угу, – киваю я. – Вроде бы он.

– Ваша сестра столько о вас рассказывала.

– Я знакома с миссис Таргетт, – поясняет Каролин.

Мистер Таргетт походит на обиженного жизнью мопса, но его перстень на указательном пальце правой руки говорит обратное. Он изрядно облысевший с бородавкой под левым глазом, и его не обошли скопления меланина под кожей – старческие пятна усыпали все лицо. Одет работодатель в черный смокинг, из под которого видны белая рубашка и красный галстук.

Я ничего не ответил своей сестре, и образовалась неловкая пауза.

– Пройдемте внутрь, – поспешил предложить владелец бара. Он старательно пропустил Каролин первой, придерживая дверь дряхлой рукой. Я вошел последним.

Здесь стояли с десяток столиков, за которыми седело пару посетителей, танцплощадка, где одиноко кружился мужчина среднего возраста под медленную музыку, ну и какой бар без барной стойки, за которой я теперь и буду, видимо,

трудиться. Сейчас за ней трудился парень с усами на французский манер, в клетчатой рубашке без рукавов. Он поднял руку в знак приветствия, увидев нас. Я считаю, любая работа стоит уважения, а на этой еще и пьешь за счет заведения. Отличная перспектива оставить печень в этом баре, но для меня – сойдет. Убравшись из школы, я сжигал трупы в крематории: что только в голову не лезет, когда наблюдаешь, как сгорает биомасса, некогда носившая разум. Так что, бар – это даже взлет в моей карьере. Интересно, кем я работал в те пять лет, что стерлись из моей памяти. Ведь работал же?

– Вы уже работали в подобной сфере? – поинтересовался мистер Таргетт.

– Нет, – поспешила ответить Каролин за меня. – Но он быстро учится. В этом я вас уверяю. Помню, отчим как-то взял нас на рыбалку, он слыл заядлым рыбаком, ну там удочки и все такое, знаете. Так вот, Мартин в первый же день наловил целую сетку одним детским сочком.

Старик разразился удивлением, заметно наигранным.

– Андре увольняется в конце недели, – сообщил он, – Перед уходом, он расскажет, что тут к чему. Пить, только после смены, – предостерег мистер Таргетт, обращаясь к Каролин, будто ее он брал на работу. Мне стоило вообще не приезжать, а сразу выйти на смену.

– Мартин у нас не пьет, – соврала сестра, подмигивая мне, так чтобы Таргетт не видел, – он вырос в церковной школе.

– Святого Патрика? – удивился старик. – У меня там пле-

мянник обучается.

– Нет, – ответил я, опередив Каролин, – в другой, далеко отсюда.

– Я подумал... Ах, да. Заработная плата у нас хорошая, за праздничные мероприятия доплата. Сверхурочные, график работы пять дней в неделю.

– Мартин примет любые ваши условия, – вставила Каролин. – Пусть он здесь осмотрится, а мы с вами обсудим наше дело.

Они сели за один из столиков. Мужчина, кружившийся в танце, потащился к стойке.

– Рюмку скотча мне, – ударил он кулаком по дереву. Бармен Андре ловко кинул рюмку перед собой и наполнил ее прозрачной жидкостью.

Я тоже подошел к стойке.

– Это тебя берут на мое место? – спросил бармен, подвинувшись ко мне.

– Если ты Андре, то – да.

– Андре, – протянул тот руку.

– Мартин, – ответил я рукопожатием.

– У нас тут днем посетителей маловато, а вот под вечер набивается, как в метро. Кого тут только не бывает. Напьются и такое вытворяют. На танцплощадке сиськопредставление бесплатно, – покачал головой бармен. – Если начинаются драки, у меня тут бита припасена. – Он достал из-под прилавка весомый аргумент. Я молчал, лишь кивал время

от времени. – Стоит людям лишь хлопнуть пару рюмах, – продолжал Андре, – и девушки уже готовы раздвигать ноги, а незнакомые мужики становятся родными братьями.

– Людям нужно лишь дозволение, чтобы творить то, что в повседневности считается аморальным, и одни находят его в спиртном, другие в наркотиках, третьи у себя в голове, оставшись в одиночестве, – комментировал я.

– Любишь копаться в людях? – улыбнулся бармен, – тогда работу ты выбрал удачно.

– Видимо, – ответил я.

– Смотрю, вы уже познакомились. – Мистер Таргетт, наговорившись с моей сестрой, подошел к нам и похлопал меня по плечу. – Андре тебя обучит этому нехитрому делу, верно Андре?

– О, ну конечно, мистер Таргетт, – бармен расплылся в улыбке, – когда будет угодно Мартину, – он уставился на меня.

– Я – завтра же, – ответил я, после некоторой паузы.

– Ну, раз мы обо всем условились, – вставила Каролин, – то нам с Мартином пора.

– Конечно, конечно, – откланялся владелец заведения, – мы вас не задерживаем. Завтра ждем вас на работу.

Он все так же обращался только к моей сестре, а на меня взглядывал лишь изредка. Госпожа Монсар притягивала мужские взгляды, несомненно. Бармен, с французскими усами, распластался локтями по стойке, вперив в нее взгляд.

– Спасибо, что дали мне работу, – поблагодарил я Таргетта. В работе я нуждался, ибо не хотел сидеть на шее Каролин, которая в свою очередь сидела на шее мужа.

Распрощавшись с Таргеттом и его баром, мы укатили обратно. Над болотом собирались тучи, тяжелые и грозные. Мир приобрел темный оттенок, и ко всем цветам примешалось немного серости. Затем поднялся ветерок, а потом и сильные его порывы начали колыхать деревья. Прогремел гром, и вскоре тяжелые капли забарабанили по лобовому стеклу «бьюика», оставляя грязные разводы.

Каролин высадила меня у ворот, а сама отправилась домой. «Если что – звони», – сказала сестра, и я вспомнил, что она купила мне мобильник. Ими я почти никогда не пользовался. Звонить особо некому. Посигналив на прощание, она уехала, оставив меня под дождем. Взглянув на небо, я отправился в дом, не спеша, смакуя каждую каплю, ударяющуюся об мое лицо.

Холодильник, стакан сока, съеденный банан, и я уже готов к работе. Многие в такой унылый день садятся паять телевизор, но, видимо, не я. Я же отправился в гараж. Там меня ждал «Крузер».

Я стянул с него брезент, под которым тот был укрыт лишь наполовину. На баке красовалась наклейка, с надписью на иврите. Насколько я помню иврит из школьной программы, она означает: «Бог любит меня... ну и тебя немного».

«Бог любит тебя, Марти!» – любил говорить мой отчим. Он шел на меня, надвигаясь как гора: «Он любит тебя!» Я забегал в спальню, запирали дверь, но это не помогало. «Ведь, любит же?» – продолжал вопрошать он.

Я молчал – это лучшее, что я умею. В монастыре, где мне нашли место после происшествия с моим отчимом, на вопрос, почему я молчу, настоятельница отвечала: «Мартин у нас любит больше общаться с Богом, чем с людьми». Воз-

можно, она права, вот только Бог не отвечает. Молитва – игра в одни ворота. Отчим дарил мне подарки: Отимус Прайм на мое восьмилетие должен был привести меня в восторг, так считал он. От него вечно разлило русской водкой, а в бороде торчали остатки чипсов.

– Папа тебя любит, – говорил отчим, усаживаясь в ободранное кресло и включая телевизор. Если папа меня любил, бог меня любил, да и мама временами, тогда почему я так ненавижу свое прошлое?

Люди безумны – это я уяснил еще в далеком пресловутом детстве. Причем, безумие живет в каждом из нас, но одни прячут его глубоко внутри, другие же не могут его подавить, и пребывают в его власти. Религиозный фанатизм, крайности сексуальных извращений, взращенные на почве сексуальной анафемы, жажда непомерной власти – всё пребывает в любом из живущих. До безумия доводят даже непримиримые расхождения во взглядах в обыденных вещах. Поспорьте с соседом, любящим хоккей, что футбол лучшая игра в мире, и бомба готова, и фитиль ненужно поджигать. Другое дело степень безумия, которую каждый из нас может себе позволить.

Иногда отчим проявлял странную заботу о детях, которые ему были ни к чему. Он брал нас на рыбалку, таскал по болотам, пытаясь чему-то учить. Мы с сестрой, можно сказать, жили на этом болоте, и знали тропы лучше этого пьяницы, но он уверял нас, что мы ищем не те тропы. Взрослые нико-

гда не смиряются с тем, что дети могут быть в чем-то умнее их.

За воротами гаража дождь разошелся не на шутку, и, похоже, не собирался заканчиваться. Шум стука капель по крыше вгонял в тоску. Ветер стих, а на входе в гараж уже появилась лужа. Мои руки покрылись мазутом, а в желудке засосало, что странно, ведь позавтракал я плотно. Но проблема устранена, а значит пришло время опробовать эту «машину времени», окунуться в чувства того, кто первым еще в 39-ом наслаждался ветром, бьющим в лицо.

Я выкатил мотоцикл во двор. Дождь тут же принялся беспощадно бомбить по металлу, и по моему лицу. Квадратное чудовище в стиле «Хай-тек» смотрелось нелепо на фоне черного тяжелого неба. Здесь скорее подошел бы домик в одном из стилей прошлого. Хотелось есть, но я решил опробовать детище английского завода, и натянул шлем на голову.

Через двадцать минут мотор уже раздражал уши жильцов окрестностей бара. До вывески «У Челла» ровно треть часа, это важно замерить, чтобы не опоздать на первый выход на работу. В сам бар я заглядывать не стал, решил двинуться в сторону болот. Двигаясь по шоссе, вдоль кустарниковых зарослей, я обратил внимание на съезд, идущий грунтовой дорогой в гущу деревьев. Дорога эта шла извилисто, а потом упиралась в разбитые ворота. Прутья их выгнуты и поедены ржавчиной. Над воротами возвышалось двухэтажное обветшалое поместье, со всех сторон прикрытое вязами. Не похоже, что здесь кто-то обитает: краска на ставнях полопалась

и отшелушилась, ворота стянуты ржавой цепью, заключенной в амбарный замок, стекла кое-где выбиты, а дымоходная труба наполовину обвалилась.

Заглушив мотор, я поискал лаз в искривленных прутьях. В дом я попал через разбитое окно. Все здесь как в старинных фильмах, и немного напоминало помещение аббатства. Плесень поела картины на стенах, лестница на второй этаж трещала под ногами, грозя обвалиться под каждым шагом, увлекая меня за собой. Было темно, но свет все же проникал, тот, что еще мог пробиться сквозь завесу дождевых облаков. На втором этаже находились покои, некогда обитавших здесь людей. Старые балдахины нависали над мягкими устланными кроватями. Воняло плесенью и сыростью. Осмотрев второй этаж, я решил еще раз обойти первый этаж. Там, за приемной залой я нашел комнаты, что наверняка использовались для отдыха прислуги, а может и вовсе служили им домом. Эти комнаты мне понравились. Если бы не комфортабельный загородный дом моей сестры, я мог бы поселиться в этих комнатках. Поместье давно заброшено, и никто бы не нарушил мой покой. До бара расстояние отсюда приблизительно такое же, как от бара до дома Жака и Каролин, а значит, в дороге ничего не теряю.

Вещи, разбросанные на полу одной из комнатушек, напомнили мне мою комнату в детстве, куда отчим скидывал грязные шмотки, в ожидании пока мать вернется с болот и постирает их. Но мать могла не приходить неделями. Такое

все чаще случалось перед тем, как ее забрали в психушку. Каролин тогда уже жила у тетки и ходила в балетную школу.

– Они там, – уверяла мать, смотря на меня безумными глазами, – Лиза, вместе с моей сестрой. Я иду за синими огоньками, а они приводят меня к моим девочкам. Мелинда, тетя твоя, такая же маленькая, как и в детстве, совсем не выросла. Они вместе с Лизой плетут венки и из трав и плещутся в заводи.

Однажды она даже принесла такой венок, в доказательство. Даже я в восемь лет понимал, что она сама его сплела. Отец разбил тогда ей губу, ударив наотмашь.

– Не забивай этой чушью его голову, – пьяным голосом проревел он, – хватит и тебя, сумасшедшей дуры.

Трудно поверить, что этот пьянчуга, избивающий жену, когда-то открыл сердце перед Богом.

– Иди к себе в спальню, – говорил он мне, – здесь не на что смотреть. – А сам расстегивал ширинку. Я забежал к себе в комнату, и сквозь рыдания в подушку слышал, как он насилует мою мать. Потом он заглядывал ко мне, проверить, что я делаю и говорил: «Ненужно плакать Марти – Бог любит тебя, и папа любит. Вот только мама совсем забыла о тебе». После такого он обычно садился смотреть телевизор и напивался до беспамятства.

Осмотрев заброшенное поместье, я отправился обратно. Облака даже не думали расходиться. Они изливались и изливались на грешную землю. Говорят, дождь – это слезы анге-

лов о душах грешных, живущих на земле. Если верить этому утверждению, то у ангелов слез попросту не хватит, чтобы оплакать все людские прегрешения. Над трясинной кружили вороны. По воронке, можно предположить, что где-то в топях погибло крупное животное, и сейчас у этих спутников смерти пир. В старину по таким воронкам с большой долей вероятности определяли, где прошла битва.

Забыв про птиц, я отчаянно пытался вспомнить хоть что-то за последние пять лет, но это оказалось невозможно. Их просто нет, воспоминаний. Они стерты, как грифель с белого листа. Но если грифель и оставляет хоть какой-то оттенок, то моя жизнь в последние годы, оставила только тело и бутылку виски, с которой я очнулся. Возможно, у меня было другое имя, иные вкусы, совершенно иная жизнь. Может у меня была жена, или я так же избегал людей, может, как и прежде трудился в крематории, а то и вовсе не работал. Очнулся то я похожим на бомжа, но с бутылем неплохого виски. Про крематорий можно и узнать. Вдруг кто из работников, что-то слышал обо мне. Если б я начал расследовать, что со мной произошло, начал бы оттуда. Но на днях я выхожу на работу, а значит если и начну расследование, то не скоро. Пока что, меня прибило к этому берегу, и нет прилива, что снова унесет меня в море.

Уже полмесяца люди в окрестностях болот слышат звук выхлопной трубы «Крузера», на котором я разъезжаю на работу. Митчелл Таргетт доволен моим трудом, и не пожалел, что заменил Незаменимого Андре мой. Я, конечно, не выдаю феерические шоу с бутылками, но зато не разбиваю товар. Заработок меня вполне устраивает, ведь мне не нужно тратить на всякие безделушки, что втюхивают компании через внушение старанием рекламных агентств людям. Я закупаю в местном магазинчике продукты питания и в соседнем городке книги, это все, что мне сейчас нужно. За то в баре часто приходится выслушивать пьяных мыслителей. Они, почему-то, считают меня священником, которому можно излить грязь своей души. Мне плевать, что с ними творится. Сейчас я – рука дьявола, наливающая им алкоголь. Зато у меня есть помощница в белом фартуке, разносящая еду по столикам, и зовут ее Кристин. Она любит в свободное от работы время колесить на велосипеде по окрестностям, что делает нас похожими. Если к ней начинает приставать какой-нибудь набравшийся мужик, я успокаиваю его видом биты из под прилавка, оставленной мне Андре. Они тут же утихомириваются, а Кристин мне за это благодарна. А еще есть Эли, работающая в ночь.

– Плесни мне текилы, – сказала Кристин, – развязывая

фартук, и падая на стул у стойки, – задолбалась я.

Ее рабочий день подошел к концу. Через полчаса ее сменил Эли.

– И зачем только Бог создал человека? – вопрошала она, разводя руки. – Чтобы он вкалывал весь день, а потом напивался?

Я налил ей текилы и подал к напитку лимон.

– Богу нужен зритель, а потому был день шестой, – высказал мысль я.

– Да уж бога не понять, – сдалась Кристин. Она запрокинула стакан, и тут же закусила лимонную дольку. – Крепкая, зараза. Так ты учился в школе для фанатиков, а что потом? Давай рассказывай, мне интересно?

Кристин даже красива, белокурая с курносим носом – хорошенькая, так бы сказал любой из тех бухляков за столами и у стойки. Для меня она стала новым другом. Она всегда мне улыбалась и обо всем меня расспрашивала. Ей двадцать пять.

– Потом сжигал трупы в крематории, – равнодушно ответил я.

– Ого! Что, правда? Да ты шутишь?

Я протирал стойку влажной тряпкой. На влаге, оставшейся от тряпки, плясали огни от стробоскопа.

– Тебе не говорили, что ты – маньяк? – шутливо спросила она.

– Кто-то должен выполнять и ту работу, не только спаи-

вать людей, – сказал я. Кристин постучала пальцем по рюмки, намекая на еще одну порцию спиртного. Я снова наполнил ее сосуд. Она вновь выпила, на сей раз без лимона. – А все те другие, что охраняют кладбища, хирурги, режущие людей своими скальпелями, мясники на живодерне – они тоже все маньяки?

– Ну, конечно, маньяки, – рассмеялась Кристин. В ее улыбке крылось что-то такое, что задевало меня изнутри. Мне самому хотелось улыбаться. – Я шучу, не маньяк ты!

– Спасибо, – поблагодарил я, улыбнувшись еле заметно. – Твоя спасительница пришла.

Кристин обернулась: к стойке шла Эли. Та наоборот вся черная – с ног до головы.

– Привет, Эли, – поприветствовала Кристин траурную фигуру. Я кивнул.

– Снова здорова! – ответила Эли, чуть натянув губы в намеке на улыбку. Эта особа не самая разговорчивая девушка в Болоте. С Кристин они почти не общались. Образ Эли не вызывал в обществе симпатий, а я ко всему относился апатично, поэтому со мной Эли могла вести беседы длинной одной фразы. Она устроилась к нам неделю назад. В тот день я как обычно стоял за стойкой, ублажая людские пристрастия в спиртном. Дверь открылась, на пороге появилась эта девушка. В черном с ног до головы, даже глаза обведены черным карандашом, или чем они себя там мажут. Она с порога посмотрела на меня, жуя жвачку. Хлопок лопнувшего

пузыря из жвачки, и она подходит к стойке.

– Где я могу найти твоего босса?

– Этого я не знаю, – ответил я тогда. Мне пришлось звать Кристин, чтобы та с ней пообщалась. Поведение Эли могло показаться нарочито наглым, но это в ней сменялось замкнутостью, а затем снова наглость брала верх. Кристин дала ей номер телефона Таргетта, но перед тем как уйти, Эли снова подошла к стойке.

– И кто ты? – спросила она, вогнав меня в тупик этим вопросом.

– Бармен, – ответил я, не понимая, что происходит.

– Ясно, – констатировала она, а затем развернулась и пошла на выход.

Так я и познакомился с Эли.

– Спасибо за выпивку, бармен, – улыбнулась белокурая Кристин, и, вслед за девушкой в черном, отправилась в подсобные помещения, для передачи смены.

Я же менялся чуть позже. Кларк Томпсон – мой сменщик, любил припоздать на полчаса, потому я пока и не думал о том, чтобы оседлать свой транспорт. В баре посетителей уже набилось изрядно, и из-за стойки на меня исходил коктейль запахов, способных у любого вызвать рвотный рефлекс. К этим запахам я тоже относился спокойно. Напитки расходились как горячие пирожки, а так же разные закуски. В баре «У Челла» работала кухня, но еду здесь заказывали гораздо реже, нежели спиртное. Посетители самые обычные.

Многие после тяжелого рабочего дня заходили пропустить стаканчик с соседом или старым знакомым, кто-то потанцевать с супругой или подругой, а находились и завсегдатаи, что заливали свое никчемное существование самым дешевым виски. По пятницам у нас бывали стриптиз-шоу, и вот тогда в баре собирались толпы мужиков, поглазеть на женскую плоть. Но все лакомое доставалось Томпсону, как он сам выражался.

– Святошам же запрещено смотреть на голых кисуль, – говорил он мне, – многое же ты пропускаешь, Марти. Мне, можно сказать, Митчелл таким образом приплачивает. – И он смеялся своим дебильным хохотком, похожим на икоту. – Хорошо, вас хоть не кастрируют, а то я где-то читал, что раньше обрезали под корень, чтобы голосок у мужиков звенел как у девок.

Как его общество выносила Эли, не понятно, но та по натуре не вспыльчива, но при всей замкнутости и мягкости, могла ответить резко.

Я лишь кивал, на его веселье, не говоря ничего в ответ.

Жертва Эстбери распрощалась с Кристин, и принялась за свои обязанности. Одежда Эли, как и ее макияж, громко кричали о принадлежности девушки к определенной субкультуре, коих сейчас развелось, что языческих религий на заре времен. С маской апатии на выбеленном худом лице, она направилась принять первый заказ. Субкультуры во многом уже интегрированы в общество, а потому не вызыва-

ют у обычных людей особой реакции. Завсегдатаи заведения каждую ночь могут наблюдать Эли, а вновь прибывшие, не обращают внимание на вызывающий стиль официантки.

– Дружок, плесни-ка мне водки безо льда, – прервал мои наблюдения сморщенный Питбуль, отдаленно напоминающий человека, – день сегодня дерьмовый. Этот сраный дождь заколебал. И какой черт меня пихнул двадцать лет назад перебраться в Болото. Оно свело мою женушку в могилу, и только в этом я ему благодарен. Чего ты уши развесил? Давай уже лей!

Я поставил рюмку на стол, открыл бутылку и наполнил стекло водкой.

– Ваша водка, сэр.

– Я у тебя тут посижу за стойкой, – сказал старик, – а то эти все мне опостытели. Ты не против?

– Нет, сэр.

– Ну и хорошо, – кивнул он. – Ничего, Болото и их заберет. Все подохнут, рано или поздно. Я десять лет вытаскивал трупы из трясины. В основном это детишки, которым там медом намазано, женщины, и мужчины – все молодые. Старики с головой дружат, а эти вон, – он кивнул в сторону подходившей Эли, – ветер в головенке. Нарядятся как на маскарад и думают, что выражают протест. Гляди на них – это же нечисть самая натуральная. Прости господи. А я помню слезы их родных, тех, кого доставал.

Он прервал поток слов, чтобы выпить.

– Крепкая, зараза. Плесни еще!

И снова в моей голове всплывает лицо матери, наши с Каролин секреты на болоте, и те странные огоньки полмесяца назад.

– Ну и что сегодня в меню у народа? – поинтересовался я у подошедшей Эли.

Она посмотрела на меня странно притягательным взглядом. Жвачка – ее лучший друг.

– Да ничего необычного – Йоркширский пудинг и тому подобное.

– Вот вы, юная леди, чего хотите сказать миру своим видом?

Старик грузно повернулся к официантке. Эли вопрошающе посмотрела на меня. Я пожал плечами.

– Да вроде бы ничего, – ответила она, взяла тряпку и принялась протирать стойку.

– Черный – цвет смерти, – заметил разошедшийся Питбуль, – вам бы жить да радоваться, а вы... Вот только не в Болоте. Бежали б вы отсюда. Тут все гниет, все умирает.

Старик все причитал, а мы с Эли переглядывались. Она закончила влажную уборку и отправилась на кухню за заказами, а я остался стеречь старика, и ждать Томпсона.

Тут в бар зашел человек, одетый в деловой костюм и с кейсом в руке. Он направился напрямиком ко мне. С его шляпы стекали капли воды, украшая собой пол. Ничего не говоря, он показал карту особого клиента.

– Пройдем-те, – сказал ему я.

Такие карты у нас предъявляли особые знакомые мистера Таргетта. Они собирались под вечер и допоздна играли в покер в скрытом помещении. Я провел этого человека в подсобку, где он приложил карту к механизму защиты. Перед нами открылась дверь, за которой стоял круглый стол. За столом сидели другие игроки, над которыми клубами вилась дым. Одного сопровождала молодая девушка, одетая вызывающе. Короткая юбка и кофточка с глубоким вырезом, обильно подведённые глаза и губы. Светлые волосы, завитые спиралью, спадали ей на объемную грудь. Я не обратил внимание, с кем она пришла, но это и не важно. Где-то внутри себя, я уловил нарастающую неприязнь к ней. Такое бывало, когда я узнавал о похождениях моей сестры, пока жил у них с Жаком.

– Проходите, – сказал я новому игроку.

Тот прошел внутрь, и я нажал кнопку. Дверь закрылась.

Возвращаясь за стойку, я увидел там Томпсона. Этот тип уже принимал заказы.

– Хаюшки! – бросил он мне.

– Что еще за «хаюшки»? – спросил охмелевший старик с лицом питбуля. – Вот скажи мне... как тебя там? – обратился он ко мне. – Ты тоже в этих блудницах находишь красавиц? Жопа – наголо, груди – наголо... Вот раньше в девках загадка пряталась, девушки были желанны. Ты встречался с ними месяцами, чтобы только узнать что под одеждой.

А сейчас что?

– Дедуля, – вставил Томпсон, – так ваши девки и сейчас закутаны что мумии. Вот только их старое сморщенное тело так и осталось никем не увиденным.

Томпсон рассмеялся, а старик насупился и опрокинул ее одну рюмку.

– Ничего ты не смыслишь в женщинах, придурок, – сказал он. – Женщина – это священный сосуд. А все эти вон – скверны. Моя тоже скверной была, хорошо хворь прибрала, прости Господи.

– А чего вы тогда с ней сошлись? – язвительно спросил Томпсон, натирая стакан.

– Сам не пойму.

Обычно, я не пью. Но сегодня, я решил немного выпить, благо моя смена закончилась. Взяв у Томпсона бутылку виски, я уселся за удаленный столик.

На танцплощадке уже начались конвульсивные танцы пьяных посетителей, а меж столов бродила Эли с блокнотом и ручкой. Ее сосредоточенность на клиентах мешалась с глубокой задумчивостью, рисуя на ее лице картину полную отстраненности. Эли, в отличие от Томпсона, Кристин или моей сестры, мне чем-то близка. Она тоже держалась обособленно от других людей. Молчание – наше кредо. Но именно поэтому мы с ней редко общались.

Опустошив полбутылки, я внезапно обнаружил напротив себя компаньона. Заметив мой оторопелый взгляд, он ото-

звался:

– Чарли.

– Не с кем выпить? – спрашиваю я.

– Да этих дерьможуев тут пруд пруди, – скривился он. –

Но ты – другой фрукт.

– И чем же?

– Хотя бы тем, что ты здешний бармен, и не тот, что сейчас за стойкой течет слюной от каждой пары сисек, приплывших к его столу.

– В этом может и есть смысл. Это что касается Томпсона, – заметил я. – Но я-то тут причем?

– Да что ты все прицепился? Эгоизм наружу просится? – с легким раздражением ответил незнакомец. – Или тебя родители в детстве обожали, хотя – по тебе не скажешь. Обычно эти всеми любимые засранцы вырастают в пафосных ублюдков, обожающих себя, а не набираются в подобных местах в гордом одиночестве.

– И в этом есть смысл, – отметил я.

– Да конечно, есть! А на тебя посмотришь – жалко становится. Ты устал от жизни? Тебя отшивает вон та «готесса»? – Он кивнул в сторону Эли, несшей чьей-то поздний ужин.

– От этой девушки мне ничего не нужно, разве что общение, – ответил я, не выказав не каких чувств.

Чарли усмехнулся. В его смешке явно содержалась издевка.

– Ну, да – ну, да. А чего тогда ты тут уселся в одного и уже

полбутылки уничтожил? Жизнь не мила, коль бутылка полна?

– Чего ты вообще ко мне прицепился? – Этот вопрос возник сам собой в моей голове, тут же, выбрался наружу. – Нет у меня желания приобщаться к их социальным процессам. Они только думают, что живут. Их жизнь – это квест. С утра ты должен встать, затем умыться, потом одеться и так далее. Затем ты идешь на работу, где протираешь задницу на стуле или гнешь спину где-то еще, а вечером надираешься здесь. И этот квест закончится только тогда, когда ты, отдав все силы во благо кого-то другого, прошедшего дни в праздности, больше не встанешь с кровати.

– Ну да, а ты решил взломать игру, и сразу устроиться туда, где можно и работать и пить одновременно. Да, ты – гений!

– Эти люди, – продолжил я, не обращая внимания на слова незнакомого мне Чарли, – обмануты еще в младенчестве. Их обманули их же родители. Благодаря им эти, ничего не подозревающие тогда, дети теперь пребывают в социальном рабстве. Папа работал слесарем, значит, и сынок должен будет проводить лучшие годы, делая ненужные ему вещи, чтобы получить бумажки, чтобы, затем, купить на эти бумажки себе поесть, или новые ненужные ему безделушки. А ведь поесть, можно вырастить и самому. Иллюзия их свободы заключается в том, что они добровольно отдали силы во благо чужой жизни, за что получили бесцельное существование.

Делай работу – будет тебе награда. А кто сказал, что человек вообще должен работать?

Чарли взял мою рюмку и налил себе спиртного. Осушив ее, он начал:

– Когда мне говорят о жизни, я представляю себе автобус, набитый представителями этой самой жизни...

Утро выдалось тяжелым, точнее даже не утро, а день. Пропал я до обеда, не помня, как очутился дома. Голова хоть и не болела, но прибывала в помутнении. Необходимо прийти в себя и я пошел к холодильнику. Через какое-то время еда наполняла мой желудок, а рука листала каналы телевизора. Я решил остановиться на новостях.

Телевизор вещал о событиях вокруг санкционной политики Евросоюза против России. Политика не вызывает у меня интереса, потому я переключил дальше. В местных новостях рассказывали о каком-то происшествии: я сделал звук громче.

– Девушку задушили, – говорила ведущая, – а на теле вырезали послание из Библии.

Я помотал головой. Люди безумцы. К трупам я привык: работая в крематории, начинаешь ценить человеческое тело не больше содержимого мусорного бака. Но, когда показали фотографию убитой, я замер. Спиралевидной формы завивка светлых волос, вздернутый нос и большие смеющиеся глаза – это ее я видел вчера в комнате для покера! Вот те на. Теперь жди полицию в баре.

Делать особо нечего, и я решил отправиться на работу. К тому же известие о смерти той девушки вызвало у меня интерес. Я накинул плащ, уделанный в грязи после вчераш-

ней ночи, и, сев на мотоцикл, отправился в путь.

Войдя в бар, я не обратил внимание на бармена. За полмесяца я так и не удосужился узнать, кто работает в мои выходные. Зато я кивнул встретившей меня улыбкой Кристин.

– Что-то срочное, Марти?

– Нет, – ответил я ей. – Ты не слышала?

– Смотря что?

– В окрестностях убили девушку.

– А, это, – вздохнула Кристин, – Сегодня приходила полиция. Расспрашивали.

– И как? – поинтересовался я. – Убийца бармен по имени Кларк Томпсон?

Кристин рассмеялась.

– Шутник ты, однако. Они расспросили, кто вчера работал. Взяли адреса и уехали.

– Понятно, – угрюмо ответил я, а потом направился в ту самую комнату, где играли в покер. Решил прикинуться игроком, а заодно разузнать чего.

За одним из столиков сидели заядлые игроки в покер. Но эти, точно не знали ничего. Вчера их в баре я не видел. Над их головами клубился дым, который резал глаза. На столике стояли полупустые пивные стаканы. Все игроки оживленно обсуждали ход игры, подзадоривая и, даже, оскорбляя друг друга. Я промок. На улице стояла все та же ненастная погодка, и дождь лил, чуть ли не каждый день. Подойдя к столу, я снял с себя плащ и повесил его на спинку стула.

– Бармен, тоже решил подергать черта за хвост? – усмехнулся парень, с перебитым носом.

– Как бы потом не пришлось бежать сломя голову от его рогов, – поддержал собеседника другой игрок, у которого намечался «флеш», от чего тот не мог сдерживать нервозность. Я взглянул на его карты через плечо и подмигнул. Тот выставил зубы в ухмылке.

– Садись пятым будешь, – предложил первый.

Я кивнул всем и уселся за столик, вынул кипу сотен из кармана и положил на стол. Игроки не обратили на деньги никакого внимания, так как возле каждого лежало их больше в два раза.

Прошел последний раунд торгов. Банк забрал парень, у которого намечался «флеш».

– Ну что, на пятерых? – предложил самый говорливый, от чего, видимо, и самый помятый завсегдатай бара.

Он разложил по две карты на каждого, взглянул на карты, что достались ему и улыбнулся.

– Ну, начнем, пожалуй.

Мужчина лет сорока, что сидел по левую руку от побитого, кинул малый «блайнд», который по общей договоренности равнялся ста долларам. Следующий игрок одет в грязную рубаху и потертые джинсы, а так же в ковбойскую шляпу. Странно наблюдать его головной убор в таком месте как Болото. Он кинул две сотни. Я следующий. Место мне досталось напротив парня с перебитым носом. Приподняв карты,

я увидел пару «десяток», и, не проявляя эмоций, уравнил «большой блайнд». Парень, взявший банк в прошлой раздаче, тоже уравнил ставку. Он то и дело потирал рукой брюки, на вид ему лет двадцать пять. Взъерошенные волосы и заляпанная пятнами от мазута рубашка – давали знать о том, что он механик и днями копошится в поломанном авто. Побитый же не убирая улыбки с лица, вновь взглянул на свои два короля, и кинул шесть сотен.

– Что Чак, не уж-то пара тузов? – усмехнулся тип в ковбойской шляпе.

Побитый Чак засмеялся, но промолчал.

– Да ладно «ковбой» блеф тоже никто не отменял, – подметил самый старший из игроков, мужчина в подтяжках, и уравнил ставку. «Ковбой» не стал рисковать и сбросил карты.

– Так на одного уже меньше, – с непоколебимым спокойствием и всё той же ухмылкой самодовольного болвана, кинул Чак.

В комнату заглянула Кристин.

– Эй, детка, на этот стол еще один стакан пива, – сказал ей «сломанный нос», – ну что ты уснул что ли? Давай кидай или сбрасывай, – крикнул он на нервного механика.

Тот поспешно бросил четыре сотни и отхлебнул из своего стакана. Чак отодвинул банк в сторону и выложил «флоп», который составили: «дама червей», «пиковый валет», и «крестовая тройка». Все вновь стали прикидывать

шансы. Взгляд механика забегал по игрокам, парень еще сильнее заерзал на стуле, от чего тот стал издавать треск.

Кристин принесла пива. Поняв, что заказ для меня, она состроила гримасу.

– Я пить не буду, – заверил ее я. Она улыбнулась и удалилась в дверной проем.

– Вообще-то, это мое угощение тебе, – раздраженно заметил Чак.

– И это значит, что отказываться не вежливо? – спросил я. – Это лишь объективная норма этикета и только. Формальность, такая же, как если после чиха я тебе сказал бы: «Будь здоров!» Пить мне или не пить – выбирать только мне.

– Ладно, сам выпью, – ответил Чак и схватил стакан.

Мужик в подтяжках обрадовался «вольту», появившемуся во «флопе», и кинул пару сотен. Механик наскоро поддержал ставку. Чак наоборот размеренно отхлебнул пива, полюбовался на карты в руках и уравнил деньги. Затем он выложил следующую карту. Дама, видимо, подняла его шансы вдвое, и Чак улыбнулся еще шире. Мужик с большим пивным животом, поддерживаемым подтяжками, осознав, что у него в руках, кинул восемь сотен, и, довольный, откинулся на спинку стула. Нервный механик все так же наскоро уравнил ставку, продолжил потирать ладонь об джинсы.

– Что ты там вечно потираешь, – заржал Чак, – яйца что ли? – и, разразившись смехом, уравнил ставку.

Последняя «девятка», видимо, уже не влияла на раскла-

ды. Мужик с пивным животом кинул еще пять сотен. Нервный парень в замызганной рубахе уравнил ставку. Чак, почувствуя триумф, откинулся на спинку стула и, почесывая затылок, кинул все пять тысяч на кон.

– Ва-банк, господа!

Мужик с подтяжками замешкался, и не став рисковать, сбросил карты. Парнишка еще больше заерзал на стуле, на лбу его выступили капли пота.

– У... у меня нет пяти тысяч... только четыре, – выдавил он дрожащим голосом.

– Так уж и быть, я дам тебе еще штуку, – усмехнулся мужик с пивным животом, и протянул деньги дрожащему пареню, – если что мой «фордик» отремонтируешь бесплатно так сказать, хочу посмотреть, что из этого выйдет.

– Сдаваться надо дурила! – кинул Чак, – денег, что ли много стало, я то думал, что вы там за еду тачки чините, – и он разразился дебильным смехом.

Парень кинул деньги в общий банк.

– Ну, давай герой вскрывайся, – Чаку всё не терпелось уже забрать выигрыш.

Парень весь трясся, но не спешил вскрывать карты.

– Да чего это я с тобой вожусь, – побитый выложил два «короля» и стал сгребать деньги, – две пары на «королях» и «тройках», учись сынок!

Паренек трясущимися руками бросил карты на стол...

– Ха, «Фул Хаус»! – вскрикнул мужик в подтяжках. – Вот

это он тебя обул, так сказать. А это моё, – он забрал обратно тысячу своих и захлопал в ладоши.

Чак, обуреваемый злобой, устоял сначала на «тройки», затем на парня, обставившего его.

– Это тебе так с рук не сойдет, сосунок! – грубо кинул он дрожащему парню.

Парень же и хотел бы улыбнуться и боялся отхватить за честную победу. Он сложил себе деньги за пазуху и торопливо направился к двери. Чак провожал его обезумевшим от ярости взглядом. Как только паренек скрылся за дверью, он вскочил из-за стола и помчался на улицу.

– Да, я парню не завидую, – прошептал «ковбой».

– Слышали про убитую девушку? – спросил я, переводя тему.

– Мне моя женушка уже все уши объездила, – сказал мужик в подтяжках. – Какую-то бабу пришили и вырезали на теле что-то там из библии. Говорят, это из-за нее сюда полиция приходила.

– Ну, в Болоте такого я не припомню, – заметил «ковбой». – Психи, одним словом.

Мужик в подтяжках прокашлялся.

– И что в башке у таких людей толкает их делать такое?

– Сексуальная анафема толкает, – заметил я.

– Что? – спросил тот, что в ковбойской шляпе.

– При сексуальной развращенности общества в целом, – пояснил я, – некоторые люди отгорожены от этого. Их жела-

ние перерастает в маниакальное влечение взять то, что общество им предоставить отказывается.

– Проститутки не отказываются, коли деньги есть.

– Коли деньги есть, – заметил я. – Форма сексуальных извращений таких людей может превосходит все мысленные формы. Не каждая проститутка готова на все, даже ради кучи денег.

– Ой, не забивайте мне голову, – сказал раздраженно мужик в подтяжках. – Я проголодался, а вы мне аппетит портите только.

Он поднялся и пошел на выход. Я решил последовать его примеру.

Сегодня я работаю в ночь. Томпсон приболел, и попросил меня подменить его. Народу набилось много. После дневной смены мои глаза смыкались.

– Иди, поспи пару часов, – кинула мне Эли, одетая в черное с ног до головы, – я покараулю бар. За столиками потерпят. Руки и ноги у них есть, так что сами себя обслужат. Жаклин, если что, принесет им заказ. Им там, на кухне, все равно тесно.

– Тогда предаю тебе пост, – ответил я на предложение и улыбнулся, – только без традиционной смены караула.

Эли хмыкнула.

– Иди уже.

Эта девица со своими скарабеями в голове. Ее вид многих сразу же отпугивает, или дает им право смотреть свысока. Но эта девушка не робкого десятка, насколько я уже понял. Весь день я изучал Кристин, но та легковерна. Как мне показалось, она по параметрам схожа с той убитой девушкой: ветреная блондинка, строящая глазки всем. Если на первый взгляд, она заигрывала только со мной, то поняв, что меня не интересуют флирты, Кристин сразу же пошла по клиентам бара. И что-то во мне ее тут же стало презирать до ужаса. Мне самому от этого стало не по себе, а нам с ней еще работать и работать. Эли же другого пошиба девушка. Она

неплохо образованна и уверена в себе, не смотря на замкнутость. Чем-то, напоминая меня самого. Ее взгляды на мир граничили с социопатией.

Женщины намного разнообразнее мужчин. Одни неугомонные до любовных связей, как моя сестра, или же, как Кристин, другие домашние кроткие овечки. Первым мало всего, что у них есть и им постоянно нужно новое, новые ощущения, вторые же могут просто сидеть дома, смотреть сериалы, и не интересоваться, что происходит за их окном. Их пастырь – их муж. Без него они и носа сунуть за дверь боятся. Есть борцы за идею, как те, что борются с мизогинией при помощи оголения груди и вообще тела, еще и называя это феминизмом, что парадоксально как по мне. А есть такие как Эли. Этим не нужно искать себе альфа самца, бороться за свои права и прочие вещи, но так же не в их интересах сидеть дома мышкой-норушкой. Их взгляды весьма разнообразны.

Поспав пару часов, я умыл лицо и, чувствуя в теле неприятную усталость, побрел за стойку.

– А вот и ваш бармен, – кивая в мою сторону, сказала Эли старику, тому самому, что лицом напоминает старого питбуля.

– О, – произнес старик, – вы то мне и нужны! У вас хоть уши на месте, а там гляди и язык. Эта не понимает ни черта из того, что я говорю.

– Это вы не понимаете, что может быть другой взгляд

на вещи, кроме вашего, такого же дряхлого, как и вы сами, – в жесткой форме ответила ему девушка. – Пока вы тащили трупы из болота, мир успел эволюционировать, а вы остались в том вашем добром времени. Ничего личного.

Эли протерла тряпкой стойку и удалилась в сторону кухни.

Моя голова все еще занята тем мимолетным сном, в котором я пребывал в детстве, скрываясь на болоте от своего отчима, а Каролин все звала меня.

– Я знаю, что поможет нам, – говорила она вязким протяжным голосом, – я знаю, где нам укрыться. Я протягивал ей руку, но потом я оказывался в своей комнате, в которую ломился отчим, крича: «Бог любит тебя, Марти! Вот увидишь!»

– Плесни русской водки, сынок, – сказал мне старик, вернув меня в реальность.

Протерев глаза, я поставил чистую рюмку и наполнил ее водкой.

– Ох уж эта молодежь, – проворчал Питбуль, – дурьи головы. Ничего они не знают. Видели бы хоть половину из того, что довелось повидать мне, совсем по-другому бы пели.

– Девушка вам правильно сказала, – заметил я, – другое поколение – другие взгляды.

– Вот хоть ты не носи этой чепухи, – отчаянно простонал старик, – с виду умный парень. Конечно, мир меняется, я же не идиот. Но, побывали б вы с мое на болотах. Глав-

ное не спать! Я как-то задремал, устав от поисков пропавшей девчухи. Лег на сухое место и решил отдохнуть. Очнулся я – уже сумерки стояли. Все наши тогда уже закончили поиски. Они меня кричали, но я не слышал, так крепко задремал. Продрав глаза, я осмотрелся: камыши, редкие деревья – все сумрак окутал. И тут, я услышал этот жалобный голосок: «В заводи плясали, в заводи был праздник, на огни русальи заходи и ты – отпразднуй с нами...» Я тогда даже штаны намочил! Песню эту пела малявка, от которой исходило синее свечение, мать ее дери! Она взглянула на меня и нырк в омут! Даже именитый бегун бы меня тогда не обогнал, вот те крест!

Старик опрокинул рюмку с водкой, скривившись под крепостью напитка. Мне бы и хотелось думать, что он спятил, но я вспомнил те огоньки, что привиделись мне по дороге в Болото, в ту ночь, когда Каролин меня сюда привезла. Я не из впечатлительных, но в этот момент моя спина покрылась мурашками. В голову закрались странные мысли: что если моя мать видела то же самое, что и этот старик? Она всегда твердила, что наша мертвая сестра разговаривает с ней на болоте. Ее закрыли в психиатрическую больницу. Что если она вовсе не сошла с ума? Я постарался отогнать подобную мысль. Моя мать сошла с ума уже давно, и вряд ли ей что-то поможет.

Старик вскоре захрапел прямо на стуле, уронив массивную челюсть на стойку. Его раздражающее сопение напрочь

прогнало мою сонливость, за что я сейчас благодарен этому старому безумцу.

– Да ты – фея снов! – бросила мне Эли, садясь на свободный стул у стойки. Ее зубы боролись со жвачкой. – Пива мне, ваше монашество!

Она даже не соизволила натянуть улыбку. Ее черты лица правильны, даже аристократичны. Она напоминала собой мрачную графиню, явившуюся из средневековья. Интересно, где у этой графини гроб? Должна же она где-то спать днем? Я решил не шутить над ней вслух. Она могла не поддержать такой шутки. Ее наверняка достали с подобными стереотипами. Но все же я подшутил:

– Беле Лугоши плевать, что ее смена только в самом разгаре?

– Ты, небось, все ретро-фильмы пересмотрел? Монаху, наверняка, весь мир кажется черно-белым, да?

– Ты не представляешь, – ответил я, – вот смотрю на тебя, а ты сплошь черная, лишь лицо да руки белые как кость.

– Ха-ха, смешно. Пиво давай!

Я снял крышку и протянул ей бутылку. Она сделала глоток и навалилась локтями на стойку.

– Если так любишь черно-белое, завтра в «Кляксе» будет «Человек-волк».

– «Клякса?»

– Ты, что за полмесяца не побывал ни разу в центре? – изумилась Эли, хлопнув жвачным пузырем.

– Да мне как-то не понадобилось туда забрести. Зато я нашел заброшенное поместье.

– Правда? Круто! – восхитилась она, откидывая нависшие ровные волосы с лица. – Люблю подобные штуки. Ну да ладно. Так как насчет «Человека-волка»?

– Это после суток на ногах-то? – ответил я.

– Ой, да ладно тебе, не будь занудой! Ничего личного – посидим, кино посмотрим. Просто все мои знакомые поразьехали, а так хоть компания какая-никакая. Можешь даже похрапеть, как вот этот старикан.

– Я завтра собираюсь к вечеру уехать из Болота. Мне звонила сестра. Она договорилась с доктором о встрече.

– С доктором? Это по поводу твоей пришибленности? – Она усмехнулась, выпив пива, – сеанс в двенадцать, успеешь. Ты все равно должен еще поспать перед дорогой, не так ли?

– Я соглашусь, только чтобы не увидеть твоих слезных прошений, – ответил я.

– Не дожدهшься, – рассмеялась Эли. Ее улыбка дерзка, вызывающа. Но не казалось, что она это делает специально. Обильно покрашенные черной помадой губы блестят в свете лампы, висящей над стойкой. – А какво это?

– Что? – спросил я.

– Ну, не помнить нихрена?

Снова щелчок от разорвавшегося жвачного шара.

– Это как если ты закрываешь глаза, видя перед собой монастырь, а открыв обнаружить на его месте супермаркет. Я

купил билет до Кейптауна, собирался лететь на чемпионат мира по футболу в 2010 году. Помню, как держу билет в руке, смотря в реку с моста, а потом в моей руке бутылка виски, а надо мной дерево. Я на краю болота, хотя жил в пятистах милях оттуда. А на дворе уже 2015-й.

– Вот те на, – подметила она. – Меня бы так приглючило. А почему ты ушел из своей школы? Мне Кристин про тебя рассказала, можешь не удивляться.

– Я вырос.

Мне не хотелось говорить об этом. В глубине души, я понимал, что мне совестно. Столько лет верить, что Бог видит все твои деяния, а после взять и выкинуть его из головы не выйдет ни у кого. Я попытался, а чувство, что он осуждает меня осталось.

– Веришь в потустороннее? – спросил я ее. Такая девушка должна увлекаться чем-то подобным.

– Кое-кто из великих умов заметил: те, кого раздражает реальность, являясь для них бесконечным страданием, болью, бегут к потустороннему. В твоем случае – к Богу. У меня реальность не вызывает страдания. Я нахожу свои прелести в реальности, что меня окружает. Люди любят выдумывать страшилки, только бы не сталкиваться со своей беспомощностью или пороками. «Все от дьявола!» – кричат они. Но все изнутри. От нас самих.

– Ну вот, ты ответила на вопрос сама, – заметил я, вздохнув облегченно. Она избавила меня от бремени слов.

– Бутылку виски с собой, – сказал какой-то парень, протягивая деньги. Он оценивающим взглядом прошелся по Эли. Я нахмурился. Странные чувства овладели мной. Я помотал головой. Наверняка, это недосып так действует на мой разум. Я небрежным движением передал ему бутылку.

– Сдачи не надо, – бросил тот, еще раз обежав взглядом Эли.

– Чего уставился? – спросила она.

– Тихо, детка! – сказал он, выставляя на показ белые зубы. – Я покойников не очень.

– Тебя бутылкой отходить, кретин? – злобно повысила голос Эли.

– Эй, мужик, – обратился я к нему спокойным ровным голосом, – давай, уже иди отсюда, – и, достав из под прилавка битую бутылку, показал ее ему.

– Вот психи, – бросил он и прошел к выходу.

– Да ты рыцарь! – подначила меня Эли.

– Тебе бы все шутить, – кинул я. – Поработать не хочешь?

– Ладно, зануда, – она допила пиво и поставила пустую тару на стол, – пойду к девчонкам. Ты только про «Человека-волка» не забудь.

– Окей! – сказал я и принялся протирать стаканы. Эли удалилась.

На танцполе кружили пары, а по ним скользили светлячки от стробоскопа, пока Джошуа Тиллман напевал: «Everyman Needs a Companion».

8

Мои глаза сейчас смазаны клеем, не иначе. Веки приходится раздвигать пальцами. Включив кран, я набрал воды в ладони и плеснул в лицо. Особого эффекта не чувствовалось. Состояние сонного опьянения никак не хотело меня оставлять.

– Ты скоро там? – спросила нетерпеливая Эли, заглянув в уборную.

– Я готов, – ответил я, сунув голову под струю. Моя лохматая шевелюра намокла, а голова ощутила жгучий холодом. На мгновение сознание прояснилось. Сейчас мне хотелось быть пингвином, что скользит по льдине, а затем погружается в ледяную воду Антарктики, – Только утрусь.

Мотоцикл пришлось оставить. Я бы и прокатил девушку, мой «Круизер» одноместный. Мы сели в автобус и отправились в центр.

– Как ты очутился в церковной школе? – спросила она меня уже в автобусе.

– С моим отчимом случилось несчастье, а моя Мать...

Эли заметила мое нежелание вспоминать прошлое.

– Если не хочешь – не рассказывай.

– Моя мать содержится в психиатрической лечебнице – поборов себя, ответил я. – Когда умерла моя младшая сестра, это помутило ее рассудок.

– Прости, – стала извиняться она, – я перегибаю с расспросами.

– Да дело то не в тебе, – заметил я, – дело во мне. Извинение в данном случае, всего лишь вдолбленная нам этикетом мера порядочности. Банальный жест, выработанный нами на уровне инстинкта. Ровно, как и приветствие, слова благодарности и прочее.

– Ну и закидончики у тебя, – задумавшись, проговорила она.

– И это мне говорит Эли, которая вчера мне цитировала Ницше, с его взглядами на «религию любви».

Покопавшись в своей сумке, Эли достала оттуда книгу.

– Вот, – продемонстрировала она «Веселую науку», – сейчас читаю.

– И как? Познала истину? – саркастично спросил я.

– Что есть истина? – процитировала она слова из библии, исказив голос до мужского, и рассмеялась.

Оказавшись в полутьме кинозала, я сразу же почувствовал навалившуюся усталость. Опустившись в кресло, я ощутил, как морфей сковывает мое тело. Эли плюхнулась рядом, набивая рот попкорном.

– Я его еще не видела, а ты?

– Довелось посмотреть.

– Тогда молчи! – Она приложила палец к моим губам, и по моему телу прошла дрожь, оставшись почти не заметной, в силу полной отреченности чувств, пребывавших

в сонном оцепенении. – Не хочу спойлеров. Можешь даже поспать – разрешаю. Только не храпи – народ распугаешь.

– Обещать не могу, – ответил я, откинувшись на спинку кресла. Эли замороженно уставилась на черно-белый экран, где уже появилось название фильма, под звук, казавшийся первым кинематографистам жутким.

Я снова провалился в детство. Дверь дергалась, издавая громкие звуки, намереваясь вот-вот поддаться натиску чудовища, скрытого за дверью. «Бог любит тебя! Он любит тебя, Марти! – ревело оно. – Как и твоя мамаша!» Слезы жгли мои щеки, а тело содрогалось от страха. Всклипы застревают в горле, перекрывая дыхание. Еще немного, и шпингалет не выдержит. «Открой эту сраную дверь, бесёнок», – доносилось из-за двери. Затем шпингалет отлетел на пол, и все меркло. Я оказывался на болоте. Сидя под зарослями кустарника, я высматривался в камышовые заросли. Чудовище пряталось, но я точно знал, что оно здесь. «Идем, – доносился до меня голос, – идем, Мартин. Идем со мной. Я знаю место, где он тебя не достанет». Я, повернув голову, я с ужасом обнаруживаю младшую сестру. Ее лицо бледно, а веки отдают синевой. Ужас охватывает меня с новой силой. Что-то знакомое, но не доступное для меня кроется в ее лице.

– Ты умерла, – кричу я на весь кинозал.

– Что с тобой, Мартин? – испуганно спрашивает Эли, отрываясь от попкорна. Ее глаза округлились. – Кошмары?

– Извини, – говорю я, – все нормально.

– Точно?

– Точно, – отвечаю я, точно.

Настоятель в монастыре говорил, что это испытания, посылаемые Господом. Что мне нужно очиститься. Но как можно очиститься от собственного прошлого?

Сеанс закончился. Эли, исполненная впечатлений, все не умолкала, рассказывая как разительно отличаются образы одинаковых героев, представленных разными поколениями режиссеров. Я же, чувствуя все ту же дикую усталость, слышал ее слова, словно через призму сна. Я больше смотрел на ее лицо, источающее бурю эмоций, полученных от просмотра фильма. Сейчас она казалась мне красивой. Странное чувство. Обычно для меня все это не имеет значения: все люди одинаково безразличны мне, но тут что-то тянуло меня к ней.

При выходе из кинотеатра, в лицо ударил яркий свет, жала мои глаза. Я отгородился от него рукой.

– И кто сейчас Бела Лугоши, а? – язвительно спросила Эли, улыбаясь. – Оооо! – протянула она, снова меняя голос, – это же солнце! Оно сожжет меня!

Ее забавляла моя отреченная серьезность, а мне нравилась та живительная сила, что таилась за этим видом мрачного бледного создания. Сейчас она казалась мне легкомысленной, но это лишь иллюзия. Эли в этот момент мне казалась самым родным существом. Возможно, это потому, что никто не проявлял ко мне особого интереса, если исключить

ужимки Кристин. Эли заставляла проснуться чувства, спавшие дремучим сном где-то внутри меня. Я будто снова был маленьким Мартином Эбботом, который давно истлел, тем Мартином, что еще не ведал бед, постигших его после смерти младшей сестры.

– Проводишь меня, граф Дракула? – спросила Эли, уставив в меня испытующий взгляд. – Или боишься, что солнце тебя таки доконает?

– Домой мне все равно не успеть, да и чего там делать? Так уж и быть – провожу.

Эли жила с матерью, как она сказала, в таком двухэтажном домике, у которых зеленая лужайка перед оградой, обвитой плющом.

– И это твой дом? – спросил я, изобразив удивление. – А как же заброшенное поместье с гробом в подвале? Те развалины, что я нашел на болотах, тебе бы подошли куда больше.

– Ха-ха. Посмеялась. Это ты у нас бездушный мертвец, надевший шкуру человека, – подмигнула она. – Да, тут я и живу. Ладно, дуй к своему доктору. Надеюсь, поможет тебе пролить свет на твой провал в головенке. Жду рапорт.

– Непременно.

Эли на пол головы ниже меня, а потому привстала на носочки, чтобы чмокнуть меня в щеку, сунув мне в руку листок. Даже через слои белой пудры виднелся румянец на ее щеках, после содеянного. Она потупила глаза, и засеменила

к дому.

– Эли! – крикнул я ей в след. Она обернулась.

– А как я ушел из бара, той ночью, когда набрался?

– Ты что-то плел себе под нос, а потом просто свалил, часа в четыре.

Я посмотрел на листок у меня в руке. Там красовался телефонный номер.

Расставшись с «готессой», я отправился на вокзал. Купив билет до Уинвилля, я сел в зале ожидания, вобрав все силы, для борьбы со сном. Вокзал наполняли люди, снующие кто куда. Все эти люди уверены в своем бытии. Они думают, что важны для этого мира. А я уже ни в чем не уверен. Мой мир – это переплетение воспоминаний и отрывков мнимой реальности. Сейчас я сижу в кресле на вокзале, но стоит мне уснуть, я окажусь в той комнате, шпингалет на двери которой, спасает меня от чудовища, таящегося за дверью, или на болоте. Иногда, я стою на коленях перед ликом Господа, вымаливая прощения за мнимые грехи, уверенный, что согрешил. Потом, я сжигаю трупы, глядя на тела, которые так же были уверены в том, что нужны этому миру, уверенные, что их жизнь имеет смысл – высший замысел создателя, а на самом деле были лишь животными, способными мыслить. Так перемещается мое сознание из одного временного отрезка в другой. Невозможно быть уверенным в том, что ты существуешь сегодня. Ты существуешь всегда, и тебя нет вовсе. Иногда мне кажется, что я и не выходил из той комна-

ты в старом доме матери. Когда шпингалет с лязгом отлетает на пол, мой разум меркнет. Может я тогда и умер?

– Да ладно? – прозвучал голос с соседнего кресла, – Марти?

Сквозь слипающиеся веки, я увидел того типа из бара. Все казалось нереальным, так навалилась на меня усталость.

– А ты, кажется, Чарли? – уточнил я.

– Он самый. Вот так встреча! Неожиданно. Куда направляешься?

– В Уинвилль, – ответил я.

– Дела деловые? Ну да ладно, не мое дело. А я в Дарри. Слышал про убийство девушки?

– Да, по телевизору видел, – ответил я, протирая глаза. – Она в ту ночь находилась какое-то время у нас в баре.

– Правда? Ну и дела. Копы приходили?

– Приходили, но я их не видел.

– Говорят, у нее на теле вырезали послание из библии, что-то типа: «В блудодеяниях твоих была раскрываема нагота твоя».

– В блудодеяниях? – спросил я.

– Да, – подтвердил Чарли. – Вот уж эти шлюхи, – гневно добавил он.

– Поиски утех – как отчаянный уход от одиночества, – проямлил я сонным голосом.

– «Человеку нужен человек», ты об этом? – озадаченно спросил мой неожиданный собеседник.

– Я о том, как человек отчаянно избегает одиночества, забывая о приличиях, а после, может статься, что это сведет его в могилу.

– Для человека появление другого человека является концом его свободы, – заявил Чарли. – Сразу же на его руках образуются оковы – мораль, боязнь чужого мнения, соперничество и подобные социальные чувства. Представь мир, где человек всего один. На него не действуют социальные законы, моральные ценности, мнения окружающих. Ему не нужно думать, что о нем подумает его сосед, и ему не нужно подстраивать действия под общий стандарт. Плевать на стрижку, наличие бороды, социальный статус, самобичевание, совесть и тому подобные паразиты разума. Он действительно свободен. Свободен от социального маразма, – Чарли указал на снующих взад-перед людей. – Им движут инстинкты и собственные, не навязанные желания. И он не считает одни желания низменными, а другие устремления – высшими. Его действия не влияют на другого человека. Его поступки не задевают другую социальную единицу, а значит, нет места рождению морали.

– Как в «Я – легенда» Мэтисона? – заметил я, вспомнив о безутешном Невилле. – Как Крузо, так и метисоновский Невилль, жаждали встречи с другим человеком.

– Проблема образов «одинокого человека» и «одного человека» сильно разнятся, – продолжил тот. – Невилль страдал от одиночества. Он жаждал встречи с другим человеком

потому, что жил когда-то в социуме. Один же человек, никогда не знавший другого человека, об этом даже не помыслит. В его обиходе никогда не будет намека на потребность в одежде, если только условия погоды не заставят его натянуть звериную шкуру. Он будет все тем же «homo sapiens», но без социального опыта цивилизации. Этот человек будет жить в гармонии с внутренним и внешним миром, а не пойдет против своей природы. Он будет самым чистым видом животного, называемым «человек». Цивилизация – кандалы на свободе существа.

Отметив про себя склонность своего собеседника к мизантропии, а так же отметив незаурядное мышление, я поднялся с кресла.

– Мне пора, – сказал я, поглядывая на часы, висевшие перед входом.

– Еще увидимся, – подмигнул Чарли.

Вряд ли, подумал я и направился к выходу.

– Выходи, Невилль! – крикнул он мне, когда я уже находился у выхода из здания вокзала.

Иногда, мне кажется, что миру скучно существовать.

Выходной. О мир, ты так щедр ко мне, у меня есть двадцать четыре часа свободы! Чем бы я занялся, если бы не поездка к доктору? Посидел бы в баре, попил пива? Скучно! Сходил бы на футбольный матч? Увольте, раньше бы сходил, а теперь это скучно! Почитать книгу? Тут, пожалуй – да, но скучно. Познакомиться с новыми людьми? Это еще большая скука, чем все остальное. О, где же ты, моя работа? Та, что убила смысл в жизни всего населения земли? Работай шестеренка, крути механизм торговли, толкай мир к бесконечному потреблению! Больше прибыли! Больше объемов продаж! Стань лучшим работником века! Скучно! Скучно! Скучно!

В последнее время меня не забавляет ничто, кроме моей амнезии.

Почему люди становятся наркоманами? Им либо скучно, либо очень скучно. Ну, еще есть минуты отчаяния.

Городской шум. Люблю его. Столько источников, но шум то один. Все эти жужжания и дребезжания, людские возгласы – все сливается в одну какофонию. Но, что мне нравится в городском шуме – мир живет! Все эти жертвы социума живут! Да, их странной жизнью, добровольным рабством в новой форме, но живут, а порой даже радуются.

Идя сквозь эту толпу, наблюдаю. Дамочка входит в магазин женского нижнего белья «Rose Woman». Новые кружевные трусики. О, да! Ее муж будет в восторге. Но муж ли? Обычно, вступившие в брак почему-то считают, что им больше незачем удивлять друг друга. Их плотские утехы становятся чем-то должным. Раньше им приходилось столько сладкой воды влить в уши друг друга, чтобы вечером совокупиться, но сейчас это как «доброй ночи» перед сном. На пальце этой девушки кольцо, значит замужем. Есть, конечно, и те, что носят их для солидности, но что-то мне подсказывает – она замужем. Кружевные трусики для партнера ее мужа по бизнесу, для босса, для нового ухажера и далее по списку, но уж точно не для мужа. Нет, он, конечно, увидит их, но она приобретает их не для него. Любовь живет лишь в слове. Остальное – привязанность и взаимовыгодное существование.

Парень на «форде», в попытке припарковаться, задел соседний «лендждровер». Его мозг в агонии. Вена на виске пульсирует, будто он выпил десять чашек «латте» за раз.

– О, Бог мой! – кричит он, хватая себя за голову обеими руками. – Я не хотел! Отец убьет меня!

– Сначала убью тебя я, говнюк! – кричит владелец «лендждровера». Этот здоровяк колотит парня на «форде».

«Мир безумен» – выдает мой мозг эту до боли банальную фразу. Я же иду дальше.

Город, не что иное, как один большой рекламный баннер.

Реклама отовсюду кричит тебе: «Подчеркни свою красоту!» «Смени интерьер в доме!» «Смени, наконец, одежду!» Реклама призвана рождать потребность. Если у тебя нет потребности в новом мобильном... «Новый стильный дизайн, настолько тонкий...», и обязательно помещается в заднем кармане отменной попки юной детки! «Да, бейба, тряхни попкой!» Но есть и честная реклама: «Книги», «Булочная у Грегга», «Канцелярские товары»... Мир рекламы забавен по-своему. Это один из инструментов эксперимента, призванного направить наши желания в нужное русло. Другое дело люди, что не имеют желаний. Нет, не те, что не определились, в этом им поможет реклама, а те, что не хотят ничего, им просто скучно. Я отношу себя к таким. Моим развлечением, видимо, является бурчание себе под нос, о том, что мир – дерьмо.

Если идешь ночью вдоль пестрых витрин, которые я сейчас прохожу, твои многочисленные тени, рождаемые светом фонарей и вывесок, призванных вызывать спрос, рождаются, обгоняют тебя, а после умирают, чтобы дать дорогу другим. То есть, они являют собой краткий сценарий жизни человека: родиться, бежать наперегонки со временем, а после умереть, затерявшись в тени чужого света, давая дорогу новой безумной жизни.

Запах фенола. Что ощущает человек, оказываясь в больничном помещении? Его состояние становится удручающим. Вязкий, специфический запах навязывает тревогу,

страх и душевную тяжесть. Жизнь, и без того дерьмовая, обретает бранный привкус. Если санитары – ангелы в белых халатах, а Бог – главврач, то такой рай мне не нужен.

Психиатрическая лечебница Уинвилля, то самое место, где моя мать доживает свой век, окруженная санитарями и ополоумевшими идиотами. Я принял решение навестить ее, после беседы с доктором.

– Доктор Деспин? – вопрошаю я, просачиваясь в дверной проем. – Эжен Деспин?

Седой старик в голубоватом халате, лысину которого обрамляла завитая в кольца седина, поднял на меня глаза. Он рассмотрел меня поверх очков с круглой оправой.

– Он самый.

– Моя сестра, Каролин Монсар, договорилась о приеме, – прояснил я ситуацию.

– Мистер Эббот – парень с генерализованной амнезией, – кивнул тот, – проходите. Можете снять плащ. Пять лет, необычайно долгий срок, подходящий более для фуги, но, тем не менее, со слов вашей сестры, я предположил именно ее.

– Меня больше интересует, почему это произошло, что бы там ни было.

– Нельзя так же исключать и диссоциативное расстройство, – продолжал доктор, не обращая внимание на мои слова. – Скажите, вы раньше замечали за собой провалы в памяти?

Замечал ли я? Это началось, как только я познакомился с алкоголем.

– Замечал, но то больше похоже на алкогольную невменяемость.

– Любите выпить? – Доктор достал большую тетрадь, и принялся что-то записывать. – Если хотите, чтобы я вам помог, будьте со мной предельно откровенны.

Да я с собой-то не всегда откровенен, заметил я про себя.

– Скорее не любитель выпить, – ответил я. – Это мой способ забыться.

– Что ж, – выдохнул доктор, – это у вас отменно получилось.

Я усмехнулся.

– С вами в детстве не случилось ничего такого, что бы вы хотели выкинуть из головы, и больше не вспоминать об этом?

В моем сонном сознании возникает призрачная дверь, шпингалет которой вот-вот отлетит с лязгом на пол.

– Если и случилось, то я напрочь забыл об этом.

Доктор не оценил шутки, все так же чиркая в тетрадь.

– Бессонница?

– Я весьма много сплю в последнее время, но это не прибавляет мне сил.

– А по вам не скажешь, – заметил доктор Деспин, сняв очки. – Вид у вас, как если бы вы страдали хронической бессонницей.

– Это из-за работы. Сутки отработал.

– Так вы не можете выспаться, сколько бы ни проспали?

– Утром я не могу отлепить лицо от подушки. Ощущение будто лег час назад. Сил не прибавляется.

– Хм, – задумчиво выдохнул доктор, снова чиркнул что-то в тетрадь. – Ложитесь на кушетку мистер Эббот.

Я протер глаза и лег.

– Сейчас, я введу вас в состояние гипноза. Постараюсь вернуть воспоминания времени действия фуги. Смотрите на часы.

Он достал из грудного кармана часы на цепочке, свесив их перед моими глазами.

После сеанса гипноза, мне хотелось спать еще больше, чем до него. Усталость навалилась всей своей силой. После гипноза во мне будто что-то переменялось. Я испытывал странную злобу, но природа ее мне не ясна. Она ощущалась не явственно, а где-то там, глубоко внутри меня.

– Ваше подсознание отказалось сотрудничать, так сказать, – сказал доктор, закончив писать в ту чертову тетрадь. – Что-то блокирует ваши воспоминания, но... Мне удалось заглянуть в ваши детские годы. Вы ненавидели своего приемного отца. Страх, что вы испытывали перед ним, мог отразиться на вашем состоянии спустя годы, что могло и вызвать фугу. Вы помните отчима?

Конечно, помню. Эта тупая рожа теперь прячется за дверью в моих снах.

– Воспоминания не четкие, – ответил я. – Помню, что после его смерти я попал в церковную школу.

– Я знаю, что ваш отчим пил, – сказал доктор. – Это я знаю по делу вашей матери. Она тоже мой пациент, но вы, верно, догадывались. То, что случилось с вашей матерью, так же могло отразиться на вашей психике. Нужно провести комплексное исследование, чтобы детально прояснить ваш случай.

– В другой раз, доктор, – прервал я его. Мне жутко хотелось спать. – Мне необходим отдых, иначе моя голова и вообще откажется работать.

– Я пропишу вам левомепромазин. Пока парентерально. Это поможет вам преодолеть хроническую усталость, даруя здоровый сон. Колоть в ягодичы. Желательно меняя места уколов. Запишете мой номер телефона и, если что, звоните – я проконсультирую. И ни какого алкоголя!

Алкоголь порой приходился спасением, поэтому наказ доктора расстроил меня, немного.

– Спасибо, доктор Деспин.

Доктор выписал рецепт, отдал его мне, и я направился к выходу.

– Доктор Дэспин, – обернулся я, – Мне можно проведать мою мать?

– Да конечно, – ответил тот.

Она сидела в инвалидной коляске во внутреннем дворике лечебницы. Изрядно поседевшая, она походила на скелет

обтянутый сморщенной кожей. Ветерок закрадывался в ее редкие пряди мертвенно-серых волос. Крона молодого дуба укрывала ее от жгучего солнца. Прошло лет семь, с того момента, как я навестил ее в первый и последний раз. Но в моем сознании года два минуло.

Я присел на корточки подле нее. Она не обратила внимания, а только смотрела на фонтанчик, где каменная дева лила воду из кувшина.

– Мам, привет, – сказал я. – Это я – Мартин.

Она посмотрела на меня, а затем снова уставила взгляд на деву с кувшином, из которого лилась вода.

– Знаю, я давно не навещал тебя. – Тяжело говорить с человеком, понимая, что твои слова не доходят до его разума. – Каролин обещала заехать к тебе на днях, – добавил я.

Мать резко повернула голову и посмотрела на меня взглядом, заставившим меня смутиться.

– Меня не пускают к Лизе, – еле слышно просипела она. Ее взгляд снова упал на фонтанчик. А выражение лица сделалось беспристрастным. – Моя девочка там, среди осоки, резвится с другими детьми. Почему они не пускают меня?

Смотря на старых людей, доживающих дни в одиночестве, страдающих амнезией и помешанных рассудком, вовсе не хочется стареть. Но, что до меня, то я всю жизнь жил в одиночестве, даже в школе, находясь в постоянном окружении сверстников.

– У тебя есть и другая дочь, мама, – сказал я с долей упре-

ка в голосе. Я понимал, что мои слова мало чего для нее значат, но меня злило, что она бросила детей, тогда в детстве, когда бродила по болотам, а мы были вынуждены прятаться от отчима. Каролин повезло больше чем мне. Ее забрала тетя, а я остался один на один со своим кошмаром. – Лизы давно нет, мама, а Каролин, да и я – мы живы. Мы нуждались в тебе.

– Ты такой же, как и они, – она улыбнулась, обнажив желтые зубы, обрамленные бледными деснами. От ее улыбки мне стало жутко. – Вы все ошибаетесь. Лиза живет. Это вы все мертвы.

– Почему твой брат не хочет меня согреть, Каролин? Я вся дрожу, посмотри, – плохо выговаривая слова, мямлит Лора, с глупой улыбкой поднося стакан с виски ко рту. Сегодня у Госпожи Монсар девичник, как она говорит. Только девичник в минимальном составе – она и ее глупенькая подружка. Для пущей простоты добиваться от девушек сексуальной близости, мужчины придумали алкоголь. Лора явное тому доказательство.

– Он – монах, – отвечает ей моя сестра, смеясь от своей шутки. – Он шесть лет обучался в церковной школе.

У Лоры произошел позыв к отрыжке.

– Пардон, – говорит она. – А им там ничего не обрезают? Мое терпение подходит к концу.

– Обрезают, – говорю я, сдерживая раздражение, – под самый корень. Так, что даже шрама не остается. Эдакая кукла-Кэн получается.

Моя сестра прыскает. Капли спиртного из ее рта летят на стол.

– А он довольно смешной, – отзывается обо мне Лора, – такая стесняшка.

Для этой дамы сейчас даже кукла Чакки казался бы смешным, идя на нее с ножом.

– О, это он тебе еще за жизнь не рассказывал.

После посещения доктора Деспина, я решил заглянуть к сестре, и обнаружил это. Девичник уже в самом разгаре. Я преследовал цель – рассказать Каролин о предположениях доктора, а вместо этого стал объектом домогательства ее тупенькой подружки. Эта глупая женщина отвесила круглую сумму моей сестричке за дизайн ее загородного дома, надеюсь в стиле уродского «Хай-тек». Наверное, хорошо иметь таких глупых подруг. Не удивлюсь, если в повседневной жизни она таскает с собой какую-нибудь мелкую собачонку, такую же тупенькую, с кукольными глазами и вечно наворачивающимися на них слезами.

– Я, возможно, еще успею проверить, что у него в штанах, – снова отпускает тупую шутку пьяная в дрызг Лора. Каролин пропускает мимо ушей.

– Как съездил? – обращается она ко мне.

– Утром расскажу.

– Мы хотим сейчас, – протягивает Лора.

Каролин поворачивается к ней.

– Если его пытаться, – предостерегает она, – то он вынесет нам мозг.

А есть ли, что выносит, думаю я про себя. Обычно алкоголь выносит и остатки разума у таких, как они. Каролин, конечно, имеет задатки разума, а вот насчет ее подружки я не уверен. Если взять амебу, поместить ее в череп черепахи, то получится Лора.

– Расскажи нам что-нибудь, – предлагает она, подмигивая

Каролин.

Я вздыхаю.

– Родись ты в Древнем Израиле, тебя бы забили камнями за твое поведение, – говорю я. – В Древней Греции – тебя бы сделали отменной рабыней для утех, а шумеры напоили бы тебя до смерти. Нище не промахнулся на твой счет, размышляя на подобную тему.

Лора уставилась на меня, изобразив удивление.

– Говорила я тебе, – оправдалась Каролин, перед своей подругой.

– А он забавный, – сказала та. – Мой муженек говорит, что раньше меня сожгли бы на костре.

– На костре сжигали неугодных церкви, вольных, свободолюбивых женщин, которые умели врачевать как минимум, – отвечаю я. – Думаю, в средневековье ты была бы товаром в борделе – на костре сожгли бы мою сестру.

Каролин расхохоталась, а Лора плеснула мне в лицо содержимое стакана. Щипание в глазах. Ерунда – пройдет.

Я оставил их и ушел в другую комнату. Решил почитать.

Алкоголь раскрепощает. По мне – он выводит наружу все людские пороки, особенно те, что связаны с насилием и сексом, или заставляет жалеть себя. Это – клей общества, что не может выносить друг друга больше часа. «Даже Иисус пил вино», – говорят многие, когда речь заходит за спиртное. Да, пил, но не упивался.

– Марти, – позвала меня Каролин спустя пару часов, – ты

там не спишь?

– Нет, – отвечаю я. – Чего тебе?

Она появилась в дверном проеме, шатаясь.

– Помоги мне уложить Лору.

Эта глупышка весила больше, чем мне казалось. Я протащил ее на себе через зал в спальню и бросил на кровать. Каролин сняла с нее туфли, и принялась стягивать штаны.

– Да хрен с ней, – сказал я, – тебе самой пора спать.

– Я еще пару стаканов, – ответила сестра, продолжая стягивать одежду со смертельно пьяной подружки. На той красовались красные кружевные трусики. Вид ее обнаженных ног заставил меня отвернуться. Не то, чтобы мне не приятен вид женского тела, просто не хотелось испытывать эрекции. Я решил выйти в зал.

Доктор строго запретил пить, но препарат только предстояло купить. Я налил себе стакан виски. По телеку шла какая-то муть: ковбои стреляли, ковбои падали, ковбои умирали.

Вскоре Каролин упала рядом.

– Прости, – поспешила извиниться она, – прости за подружку. Она ведь не знает, каков ты.

– А ты знаешь? – спросил я.

– Думаю, что да, – ответила она, взяв в руку стакан. – Но, ты о чем? Что сказал доктор?

Я отпил из своего стакана.

– Сказал же – завтра расскажу.

– Ну, как хочешь. На следующей неделе приедет Жак, и привезет с собой Лаиду.

– То-то ты зачастила с выпивкой?

При муже моя сестра старается вести себя примерно, хоть ей это дается с трудом. Сказав, что Каролин в средневековье сожгли бы на костре, я не лукавил. Она очень свободолюбива, себялюбива и раскована. Она не лишена обаяния, того женского, на которое так ведутся мужчины, порой, прямолинейна до невозможности, а мужчины страстно западают на стерв, хоть и стараются брать в жены «монашек».

– В детстве ты не был таким, – вдруг сказала Каролин. – Как и сейчас, ты был молчаливым, но подобной херни в твоей голове не наблюдалось. Ты любил строить домики из веток на болоте, выслеживал животных, и изучал все вокруг, а сейчас плывешь по течению, и тебе есть дело только до этих книжек. Ты когда в последний раз развлекался?

– В детстве ты тоже любила балетные тапочки и Мери Поппинс.

Каролин, видимо не нашла аргументов, и залпом допила остатки виски.

– Сейчас блевону, – сказала она, зажав рот рукой. Она поднялась с дивана и зашагала к туалету, шатаясь, как дерево при сильном ветре. Я поспешил ей помочь.

Держать ее волосы – все, чем я мог помочь ей сейчас. Казалось, что вместе с рвотой в унитаз выйдет и ее душа, так ее рвало.

– Зачем так пить? – произнес я бессмысленную фразу. Сам я напивался и до худшего состояния, но обычно меня не рвало.

Оторвав кусок туалетной бумаги, я предложил ее Каролин. Та не отказалась от клочка бумаги, вытерла рот, и, опираясь об унитаз двумя руками, встала на ноги.

– Спроси себя, когда напьешься до беспомыслия в следующий раз.

В Болото я вернулся к полудню следующего дня. Погодка стояла промозглая. Дождь моросил с мелкими перерывами. Угнетенность накрыла городок, проникнув в каждый его закоулок. Но в баре играл энергичный рок-н-ролл. Сюда я заехал забрать мотоцикл. В баре прятался от не погоды, видимо, весь народ городка. Том, что работал в те два дня, пока у меня выходной, не успевал принимать заказы. Кристин вертела задом, разнося еду по столикам. Поняв кто она, я стал относиться к ней с неприязнью. Внутри меня, что-то жгучее, не дающее покоя, навязчивое, растекалось, наполняя меня запретным желанием.

– О, Марти! Привет, – улыбнулась она, завидев меня. Я кивнул. – За мотоциклом?

– Угу.

Я направился к стойке. Как я буду работать с Кристин, если мне теперь на нее даже смотреть не хочется? Наверное, так же обходиться, как и с другими неприятными людьми – терпеть, и, по возможности, избегать общения.

– О, так меня навестил тот человек, с коим мы, работая на одной и той же должности, виделись лишь раз? – приветствовал меня Том. – Желаете выпить?

– Нет, – ответил я, – доктор настоятельно рекомендовал воздержание.

– Эти доктора, – протянул он, выполняя очередной заказ, – им бы только запреты рисовать. Того не ешь, этого не пей...

– На то они и доктора, – прервал я. – По близости есть место, где я могу выйти в интернет?

– Да в любом телефоне есть интернет.

– Ну, этими штуками я толком пользоваться не умею.

– Так давай я настрою, – предложил дружелюбный бармен.

– Нет, спасибо, – отказался я. Телефонам я не доверял, не знаю почему. За компьютером мне доводилось работать. Я подумал: неплохо бы обзавестись ноутбуком. С выходом в интернет. – Ладно, бывайте.

– Всего тебе, – отозвался Том, и переместился к другому краю стойки, где тип с шевелюрой старого рокера поднял вверх указательный палец.

Я направился к выходу.

– Уже уходишь? – спросила Кристин, появившись передо мной. Меня кинуло в пот.

– Ухожу, – коротко ответил я и, обойдя ее, быстрыми шагами направился к двери. Она, наверное, в удивлении сверлила мою спину.

«Круизер» стоял во внутреннем дворике, где его поливал дождик. Подойдя к мотоциклу, я остановился. Мне в голову пришла идея. Покопав в кармане, я нашарил там листок. Цифры с листка перенес на монитор телефона, и я нажал

«ВЫЗОВ».

– Какой идиот прерывает мой сон? – раздалось на том конце провода, или как там сейчас передаются сигналы.

– Это Мартин. Тот, что работает с тобой в баре.

– Да поняла я, что за Мартин. Ты один Мартин в моем окружении. Чего хотел?

– У тебя есть ноутбук?

Я подумал, что у нее он точно должен быть. У них у всех есть эти штуки.

– Даже если и есть, я сплю, Мартин. Я всю ночь разносила жратву этим придуркам...

– Извини, – сказал я и положил трубку.

«Круизер» выкатился из внутреннего дворика, увлекаемый моими руками. Я перекинул ногу через сиденье.

Тут заиграла какая-то дебильная мелодия. Я не сразу понял, что это звонок. Прошло еще какое-то время, прежде чем мне удалось принять вызов.

– Да?

– Ладно, извини, я погорячилась. Есть у меня ноутбук. Тебе зачем?

Голос Эли уже бодрее, чем в первый раз.

– Мне нужен выход в интернет.

– Это мне до тебя, что ли переть? – спросила Эли удивленным голосом.

– Я сейчас у бара, – объяснил я, – можешь приехать сюда.

– О нет. Я туда не поеду. Ко мне нельзя – тут мама. При-

дется выручать тебя – недоделка. Как всегда. Говори адрес.

Я только успел поставить мотоцикл в гараж, как у дома появилось такси. Эти машины-дворняги делали мир комичнее, не смотря на его унылость. Эли вышла из машины и раскрыла над собой зонт, такой же черный, как и ее одеяние. Она несла сумку, перекинутую через плечо. Я вышел на встречу.

– Хо-хо, – удивилась она. Ее рот снова занят жвачкой. – Вот это домик! И ты тут живешь? Может я адресом ошиблась?

– Это моей сестры, – ответил я, но поспешил исправиться: «Точнее, ее мужа».

Никакой застенчивости на бледном лице этой девушки не осталось. Если прощание наше было похоже на тот момент из мелодрамы, где старшеклассники впервые сходили на свидание, то сейчас подобным и не пахло.

– Нахрена такие загородные дома? Да еще в таком уродском стиле? Это же куб. Смотрел «Куб»? Хотя кого я спрашиваю?

Я открыл дверь и пропустил ее внутрь дома.

– Ой-ей! – Эли снова впала в изумление. По ее поведению трудно определить настоящие эмоции.

– Это увлечение моей сестры, – пояснил я, – заставлять квартиры разным хламом, как ей взбредет в голову.

Эли сложила зонт и повесила его на вешалку у входа, туда же отправилась ее куртка. Я тоже разделся.

– Проходи в гостиную. Поесть хочешь?

– У тебя есть еда? – усмехнулась она. – Еще скажи, что ты готовить умеешь?

– Когда живешь один, ненароком научишься готовить. Портить желудок перекусами или одними консервантами – не мое.

Эли вынула ноутбук из сумки и поставила на стол. Сумку бросила на кресло, а сама завалилась на диван.

– Мягко-то как, – весело сказала она. – Чего ты на меня так смотришь? Аaaa! Я поняла. Ты не можешь понять, куда делась дурнушка Эли, которая тебя в щечку чмокнула? – Она рассмеялась, села, склонившись над ноутбуком. – Это в розетку, – сказала она, протянув мне шнур. – Я в детстве занималась в драматическом кружке. Вот только актрисой я не стала.

– Не всем мечтам суждено сбыться, – проговорил я, думая о том, как мой мозг только что поимели.

– Да не напрягайся ты так, – улыбнулась она, нажимая кнопку включения, – ты симпатичный парень, но мне нравятся себе подобные.

– Крашенные парни?

Эли рассмеялась.

– Неее, – протянула она, лопнув очередной жвачный пузырь. – Я предпочитаю женщин.

– А, ясно, – коротко ответил я, проматывая в голове подпорченные воспоминания. Такие мне еще не встречались.

– Ты, кажется, предлагал мне поесть?

– А, сейчас.

Я принес сок и корзину с фруктами.

– Что нарыл в холодильнике, – извинился я, хотя это и бессмысленно, и поставил корзину на стол. Рядом с корзиной я поставил два стакана и наполнил их апельсиновым соком.

– Сойдет, – сказала она, смачно жуя жвачку. – Так зачем тебе интернет?

Разглагольствовать вовсе нет желания, но к ней одной у меня доверие.

– Доктор больше писал в тетрадь, чем рассказывал мне. Говорил предположениями, и только.

– И ты решил заняться самоанализом? Я за рулевого, – настоятельно предложила Эли. – Что искать?

– Для начала – «генерализованную амнезию».

– Садись уже, я не укушу, солнце то еще высоко, несмотря на тучи, – хлопнула она по дивану, и принялась стучать по клавиатуре.

Я сел рядом, стараясь соблюдать дистанцию.

– Генерализованная амнезия, – прочла Эли, нажав на одну из ссылок, – потеря памяти на короткий промежуток времени, а так же о событиях до этого.

– Не то, – сказал я, – теперь попробуй фугу.

– Музыкальную?

Эли усмехнулась.

– Диссоциативную, – добавил я, никак не реагируя на ее веселье. Она снова принялась стучать по клавиатуре.

Открыв очередную ссылку, Эли бегло прочла содержимое.

– А ты, случаем, не притворяешься, что ничего не помнишь? – вдруг спросила она. – Может ты чего-то натворил, до того, как прикинуться амнезиком? Тут пишут, что люди могут симулировать болезнь, если их что-то сильно гложет.

Вот тебе и помощница. Для меня те пять лет просто отсутствуют в голове. Билет в Южную Африку сменился на бутылку виски и все тут.

– Что там про болезнь? – настаиваю я на своем.

– Ладно, – отвечает она и продолжает читать. – При фуге, человек может резко уйти из дома, даже переехать в другой город, найти там работу, и жить, будто всегда там жил. И он не помнит своего настоящего имени. Странно, – добавила она, – они даже не подозревают, что с ними произошла эта перемена, пока не прекратится действие фуги. Вот так прикол с тобой приключился, чудилка.

– Ничего хорошего со мной не приключилось.

– Да многие мечтают о таком, – заметила Эли, – вот так вот взять и изменить свою жизнь.

– Вот только они не помнят, кто они. Вряд ли им это приносит удовлетворение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.